

Рикайн

Бронислава Вонсович

Завещание инора
Бринкерхофа

Бронислава Антоновна Вонсович
Завещание инора Бринкерхофа
Серия «Королевства Рикайна»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35497779

Аннотация

После предательства любимого жениха, Ивонна Бринкерхоф раз и навсегда решила, что замужество и личная жизнь – не для нее, и все силы отдавала учебе и выбранной профессии. Однако, неожиданное условие в завещании покойного деда заставляют девушку скоропалительно выйти замуж почти за первого встречного. Ведь от этого зависит благополучие родных и счастье любимой сестры. Но не все истории любви заканчиваются свадьбой, некоторые свадьбой только начинаются!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	70
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Бронислава Вонсович

Завещание инора

Бринкерхофа

Глава 1

Дед болел долго и тяжело. Как только ему становилось хоть немного лучше, он сразу оживлялся, вызывал к себе управляющего фабрикой и устраивал разгон, лез во все семейные дела, начинал критиковать договора своего сына, моего отца, которому так и не удалось добиться успехов в торговле, подшучивал над Барбарой и ее нерешительным женихом. Хуже всего было, когда он начинал, по его собственному выражению, вправлять мозги мне. Деда я любила, да и его болезнь требовала относиться к нему со снисходительностью, поэтому я спокойно выслушивала многословные наставления о том, что в моем возрасте пора бы и подумать о замужестве. Мое мнение он прекрасно знал – после того, как Гюнтер женился на моей же близкой подруге, этот вопрос я закрыла для себя раз и навсегда. Я не хочу, чтобы меня предавали, а значит, и замуж никогда и ни за кого не выйду. Но дед упорно твердил, что «один засранец не стоит того, чтобы ломать себе жизнь». Я ломать и не собиралась. Ведь и од-

ной можно прекрасно прожить – ни от кого не зависишь, ни о ком не заботишься, делаешь только то, что хочешь. Угрозы лишиться наследства вызывали у меня лишь скептическую усмешку – выбранная в Академии специализация по алхимии давала такой простор для возможности заработать, что просто дух захватывало. Нет, я дедовых денег не ждала, никогда на них не рассчитывала, а сейчас, на четвертом курсе, и не зависела от них. Постоянные подработки позволяли покупать не только подарки родным, но и довольно дорогие артефакты, необходимые для дела. Я уже подумывала о том, не снять ли домик, где можно было бы устроить собственную лабораторию – академической пользоваться разрешали не всегда, а соседка по комнате была недовольна, если я делала заказы на общей жилплощади. Пахло, видите ли, плохо. Учитывая то, что она часами пропадала на территории, где располагались клетки с магическими животными, ее обоняние давно должно было атрофироваться. А вот, поди ж ты...

В последнюю нашу встречу дед был задумчив и немногословен, с постели уже не вставал. Мама, всхлипывая, говорила, что утешение ему приносят лишь беседы с монахами монастыря Святой Инессы, которые снимали боль не только душевную, но и телесную. Ведь своим служителям святая давала толику божественной силы, позволяющей утешать страждущих.

– Ивонна, – еле слышно прошелестел дед, – если ты не выйдешь замуж, я твою долю завещаю монастырю.

– Твое право, деда, – пожала я плечами. – Ты же знаешь, это для меня неважно.

– Ты уверена? – изогнул он сухие потрескавшиеся губы в подобии улыбки.

– Уверена. Я могу прожить и без твоих денег.

– Разбаловали мы тебя, – вздохнул дед. – Вон, инор Хайнрих был бы счастлив тебя видеть за своим сыном.

– Еще бы, с его косметическим производством, – насмешливо фыркнула я, с трудом вспоминая Хайнриха-младшего. Кажется, у него все лицо в веснушках. – Дедуль, тебе пора давно понять, не убедишь ты меня.

– Не стоит этот Гюнтер, чтобы ты столько лет по нему сохла, – внезапно сказал он.

– Еще чего? – возмутилась я. – Я давно и думать про него забыла. Просто мне никто не нужен.

– А родители и Барбара? Они тоже не нужны?

– Ну ты сравнил. Я для вас на все готова! Вы – моя семья, но, кроме вас, мне никто не нужен, – твердо сказала я.

– Кроме нас, никто, – задумчиво сказал он. – Иди, я устал.

Он прикрыл глаза и сделал вид, что уснул. Я вышла, не желая его беспокоить. И был это наш последний разговор. Начались занятия в Академии, времени они отнимали немалое, да еще заказы пошли потоком, так что съездить к родным не получалось. Я уже думала, что до сессии не выберусь, как вдруг пришло письмо из дома, отправленное скоростной почтой. Дед умер, и меня просили приехать на похороны.

Пришли проститься с ним многие – не только соседи и друзья семьи, но и торговые партнеры, которые вели в свое время дела с ним, а теперь – с нашим управляющим, инором Тидеманом. Был там и инор Хайнрих со своим отпрыском, который всячески пытался выразить мне соболезнования. Я невольно отметила, что он выбрал крайне неудачное время, чтобы показать заинтересованность, и тут же забыла о нем, если бы не странная фраза:

– Инорита Ивонна, я был бы счастлив, подумай вы обо мне завтра.

Я не поняла, что он имел в виду, но быстро выбросила этот разговор из головы. В конце концов, мне было чем заняться и без размышлений на отвлеченные темы. Весь день прошел в бестолковой суете, не дающей полностью погрузиться в переживания, а к вечеру я настолько устала, что просто провалилась в сон.

А утром огласили завещание.

– Я, Густав Бринкерхоф, находясь в здравом уме и твердой памяти, в присутствии двух свидетелей, *действуя добровольно*, – монотонно зачитывал семейный нотариус, не поднимая глаз на присутствующих, – *настоящим завещанием на случай моей смерти делаю следующее распоряжение. За исключением мелких выплат, список которых прилагается, все мое движимое и недвижимое имущество делится на три равные доли и передается моему сыну Отто Бринкерхофу и моим внучкам Ивонне Бринкерхоф и Барбаре Бринкер-*

хоф в случае, если в течение года будут выполнены следующие условия. Ивонна Бринкерхоф должна вступить в брак до Барбары Бринкерхоф, причем оба эти брака должны быть заключены по всем правилам до истечения двух месяцев с момента моей смерти. Выплата долей произойдет по истечении года с момента заключения второго брака, при условии, что оба брака будут признаны действительными монастырем Святой Инессы. В случае невыполнения этих условий все мое имущество завещаю монастырю Святой Инессы, коему и надлежит проследить за исполнением моей воли. До истечения указанного срока наследующие мне будут получать ежемесячные выплаты, размер которых фиксирован и составляет...

Взгляды всех присутствующих скрестились на мне. Еще бы – мое отношение к браку не секрет для семьи. И теперь я стою между семьей и так необходимыми им деньгами. Своего источника дохода ни у кого не было. Да что там деньги – даже любая чайная ложка в доме по закону принадлежала деду.

– Как он мог так со мной поступить? – глухо сказал отец.

– Завещание нельзя опротестовать? – неуверенно спросила я. – Ведь текст явно указывает на то, что здравый ум – это преувеличение.

– Здравость ума на момент подписания была документально подтверждена монастырем Святой Инессы, – смущенно сказал нотариус. – Поверьте, инорита, я пытался от-

говорить инора Бринкерхофа, но он не прислушался к моим словам. Сказал, что хоть после смерти, но будет так, как он хочет.

– Не будет, – твердо сказала я. – Я не меняю свои решения. Дед прекрасно знал, что его деньги мне не нужны.

– Иви, а как же мы? – тихо спросила мать. – А Барбара? Родители Юргена никогда не согласятся, чтобы он женился на бесприданнице.

Сестренка, только сейчас осознав угрозу собственному счастью, громко, с подвываниями, зарыдала. Я растерянно оглядывала родных и ни в ком не видела поддержки. Во всех направленных на меня взглядах было лишь осуждение. Даже нотариус укоризненно покачал головой.

– Инорита, подумайте о близких, – сказал он. – Неужели вы действительно хотите, чтобы из-за вашего эгоизма вашу семью выгнали из этого дома.

– И что вы предлагаете? – язвительно спросила я. – Выбежать на улицу и выйти замуж за первого встречного?

– Зачем же? – невозмутимо ответил он. – Два месяца – достаточный срок, чтобы определиться, с кем вы хотите вступить в брак.

– Что помешает монастырю не признать потом наши браки?

– Инор Бринкерхоф записал пункты, по которым это будет определяться.

– Надеюсь, детей там нет, – нервно сказала я. – За такой

срок они могут и не появиться.

– Детей нет, – подтвердил нотариус. – Но обязательное совместное проживание в течение года есть, так что на фиктивный брак не рассчитывайте.

– Иви, Клаус Хайнрих хоть завтра на тебе женится, – ожили сестра, сбив меня с какой-то важной мысли. Слезы ее уже высохли, и глазки заблестели. – Я знаю, его отец с дедом об этом говорили незадолго до дедовой смерти.

Я вспомнила вчерашние слова рыжего Клауса и разозлилась. Похоже, содержание завещания ему известно. Возможно, именно инор Хайнрих и подговорил внести этот пункт. Я тут же устыдилась своих мыслей. Уж кому, как не мне, знать, что на деда никто не мог повлиять, и такое глупое условие его заставило написать отнюдь не чужое влияние, а упертость и убежденность в собственной правоте. И еще уверенность, что ради семьи я нарушу свои принципы.

Видя мою нерешительность, отец предложил послать за Хайнрихами и сразу определить дату свадьбы. Мои слабые протесты полностью потонули в хоре обрадованных родственников. Особенно усердствовала Барбара. Она обнимала меня за шею и, тыкаясь прямо в ухо, постоянно повторяла: «Иви, ты ведь сделаешь это для меня, правда?» И у меня просто не хватило духу сказать им твердое «нет».

Оба Хайнриха, и отец, и сын, выглядели полностью довольными решением нашей семьи. Инора Хайнриха устраивали и те деньги, которые я наследовала, и те знания, что я

могла бы принести в семейный бизнес, в то время как Клауса больше занимала именно я, а не те блага, что он получал от брака. Он сразу заграбастал мою руку, как бы утверждая право собственности, и забрать ее уже не представлялось возможным. Его рука, широкая, покрытая густым рыжим волосом, напоминала какого-то диковинного насекомого. Мне вдруг на миг представились эти мохнатые пауки, бегающие по моему телу, и к горлу подкатила тошнота. Не слишком ли велика жертва, которую требуют от меня родные?

– Так что? – пробасил Хайнрих-старший. – Через неделю устраивать свадьбу уже прилично.

– Нет! – испуганно вскрикнула я. – Это слишком быстро! У нас траур. Мы дедушку только похоронили, а уже планируем праздник.

– Ваш дед, инорита, этого сам хотел. Мы поступаем по его воле. А свадьбу можно устроить скромную, только для близких родственников. Это траур не нарушит.

– Я через неделю не могу – у меня начинается сессия.

– Иви, какая сессия? – недоуменно сказала мама. – Тебе в академию возвращаться не надо – по условиям завещания ты должна будешь жить с Клаусом, а, значит, ни о какой учебе и речи быть не может.

– Мне осталось всего полтора года, как я брошу? – возмутилась я. – Нет, я хочу получить диплом. Имею полное право.

Хайнрихи переглянулись. Похоже, этот вариант им в го-

лову приходил, и они его обсудили.

– Ивонна, дорогая, вы же можете взять на год академический отпуск, – внес предложение старший.

Брака с рыжим Клаусом нравился все меньше. Сначала выхожу за него замуж и получаю волосатых пауков. Потом расстаюсь с академией, как бы временно. Но кто мне даст туда вернуться? За год-то многое может случиться. И первым пунктом в списке Хайнрихов наверняка стоит моя незапланированная беременность. То есть это для меня она незапланированная, а для них очень даже. Для их фабрики моих знаний и умений хватит и тех, что есть.

– А если вашему сыну пожить этот год в Гаэрре? – предложила я. – Он запишется там на какие-нибудь курсы.

– У нас производство, – важно ответил Клаус. – Я не могу его надолго оставить. А вот ваша помощь будет очень кстати. Ивонна, вам будет интересно, поверьте.

– Косметика меня никогда не привлекала. – Я не теряла надежды получить все же руку в собственное пользование и время от времени пыталась ее выдернуть, но он все также цепко меня держал, – И этот год я хотела бы прожить возле Академии.

– Иви, – надула губки сестра, – если уж вы сейчас никак не решите, где будете жить, то, может, тебе лучше за кого другого выйти?

Мать испуганно охнула и прижала руку к сердцу.

– Барбара, лучше бы ты помолчала! – рывкнул отец.

– А что такого? – капризно сказала она. – Я тоже лицо заинтересованное. Иви все равно за кого выходить, вот пусть и найдет того, кто согласится жить в столице.

– Барбара, иди к себе! Немедленно!

Сестра обиженно выпрямилась и гордо вышла из комнаты. Я проводила ее взглядом и внезапно поняла, что замуж не хочу еще сильнее, чем раньше. Тем более за Клауса. Что же делать? Паника неудержимо росла, хотелось убежать вслед за сестрой, но я взяла себя в руки и твердо сказала:

– Предлагаю отложить этот разговор до конца сессии. Возможно, мы найдем решение, удовлетворяющее обе стороны. А сейчас, извините, мне надо собираться. Мой дилижанс уходит через час.

– Хотелось бы большей определенности с датой, Ивонна, – сухо сказано отец. – Ты же понимаешь, что мы все сейчас зависим от твоего каприза, и беззастенчиво этим пользуешься.

– Я пользуюсь? – От негодования у меня перехватило горло, и я закашлялась. – Да я во всем иду вам навстречу. Единственное условие – позволить мне доучиться.

– И все же, определись с датой до отъезда, – не смягчился отец. – Мне не хочется остаться нищим из-за твоей блажи.

– Положим, блажь не моя, а дедова, – не удержалась я, но, взглянув на нахмуренное лицо родителя, продолжила: – Не позже чем через две недели после окончания зимней сессии я выйду замуж. Даю слово.

– Замечательно, – расплылся в улыбке отец и обратился к Хайнрихам: – Если Ивонна дала слово, она его ни за что не нарушит.

– Клаус, да отпустите вы наконец мою руку! – не выдержала я. – А то я на дилижанс опоздаю.

– Было бы замечательно, если бы вы передумали уезжать, – с надеждой посмотрел он на меня, но руку отпустил, и то хорошо.

– Я уже высказалась по этому вопросу, – ответила я и быстро вышла из комнаты, не желая больше принимать ни малейшего участия в обсуждении моей свадьбы. По мне, так сегодня это чересчур популярная тема.

Собирать мне было нечего, так что я подхватила саквояж и выбежала из отчего дома. Клаус увязался-таки провожать, в то время как его родитель остался у нас, не иначе как радостно строить планы по совместной жизни своего отпрыска со мной.

– Я к вам скоро приеду, – бубнил Клаус. – Сходим куда-нибудь. Я столицу не очень хорошо знаю, но мы непременно найдем, куда пойти.

– Это лишнее, – ответила я. – У меня даже времени на вас не будет. Встретимся после сессии.

– Я привезу вам браслет, как своей невесте.

Спас меня вовремя подъехавший дилижанс. Я радостно попрощалась с женихом и стрелой влетела в карету. Нет уж, за него я ни за что не пойду. А значит, нужен фиктивный

брак, чтобы через год моя семья спокойно получила деньги, а я – так желаемую свободу. Под мерный скрип колес я стала перебирать всех своих знакомых мужского пола, к которым можно было бы обратиться с такой деликатной просьбой.

Глава 2

Всю дорогу назад я думала над тем, к кому из моих сокурсников можно подойти с таким деликатным предложением. И получалось, что ни к кому. Те, что хоть немного поответственной, уже давно и прочно заняты, имея если не жену, то официальную невесту точно, которая, как я думаю, ни за что не согласится на участие своего жениха в столь сомнительном мероприятии. А те, кто пока ничем и никем не обременены, вряд ли сохраняют наш договор в тайне. Даже при условии получить половину завещанных мне денег при успешном завершении дела. Все это ужасно печалило.

В общежитие я шла очень медленно, не поднимая глаз от брусчатой мостовой, как будто надеялась получить подсказку от равнодушного камня. Не хотелось никого видеть и ни с кем говорить. А ведь Анита наверняка полезет со своей жалостью – она даже провожала меня со слезами на глазах, такая эмоциональная у меня соседка. Но сегодня хоть в этом повезло – в комнате она оказалась не одна. Кроме Вольфа, с которым она встречалась второй год, был и его друг Рихард. Оба они благополучно доучились до пятого курса, и Анита не забывала почти ежедневно напоминать мне, какие способности проявляет ее парень в целительстве. Ее послушать, так тому лечебному заведению, куда попадет Вольф, или, в крайнем случае Рихард, немерено повезет. Я всегда

пропускала ее слова мимо ушей, поскольку оба парня меня не интересовали. Соседка приглашала пару раз прогуляться с ними по Гаэрре, но я всегда отказывалась. Поскольку, даже если бы не было этой гадкой истории с Гюнтером, Рихард не принадлежал к тому типу мужчин, которые мне нравились. Невысокий, ненамного выше меня, худощавый, смуглый – полная противоположность моему бывшему жениху. Но сейчас я посмотрела на него другими глазами, ибо два следующих факта делали его очень привлекательным. Во-первых, он ни с кем не встречался, а во-вторых, имел явные проблемы с деньгами, то есть он вряд ли откажется от крупной суммы. Семья его, видно, не очень богата, так как не поддерживала материально. Он брался за все подработки, но у будущего целителя возможностей намного меньше, чем у алхимика или артефактора, и жил он почти на одну стипендию. Рихард молчалив, поэтому если не согласится, то оставит наш разговор в тайне. Об этом я размышляла, пока Анита суежилась вокруг меня с причитаниями и пыталась напоить чаем. Чая не хотелось, но чтобы не обижать соседку, я взяла чашку.

– Рихард, мне надо с тобой поговорить, – не стала я тянуть. – Наедине.

Он явно удивился, но отказываться не стал, предложил выйти в коридор. Я даже успела встать, но тут Анита подхватила Вольфа под руку и сказала, что они все равно собирались прогуляться, а мне с дороги надо отдохнуть. Так что через пару минут я ежилась под вопросительным взглядом

Рихарда, мелкими глоточками пила налитый Анитой чай и не знала, как начать. Молчание становилось невыносимо давящим, но я никак не решалась сказать ужасные слова, после которых мне стыдно будет на него смотреть.

– О чем ты хотела поговорить?

– Рихард, не хочешь немного подзаработать? – Решила я зайти немного издалека.

– Ты же знаешь, я всегда за, – ответил он. – Немного – это сколько?

Я озвучила. Он присвистнул. Я уточнила, что эти деньги он получит только через год, а до тех пор будет иметь ежемесячно сумму более скромную, но все равно неизмеримо больше стипендии. Рихард немного подумал и нахмурился.

– Эти деньги пахнут чем-то нехорошим, – выдал он. – Я не буду связываться с преступностью. И тебе не надо.

– С чего ты взял? – предположение о преступном происхождении дедова наследства меня настолько разозлило, что я забыла про смущение. – Ни о какой преступной деятельности и речи нет. Ты просто на мне женишься, а через год разведешься. Все!

– Женюсь? – Рихард выглядел крайне удивленным. – Я правильно понял, ты хочешь заплатить деньги за то, чтобы я на тебе женился?!

– Правильно, – я немного успокоилась, все же самое страшное сказано, а гром не грянул, земля не разверзлась, и собеседник не загнулся от хохота, тыкая в меня пальцем. –

Что в этом такого?

– Да странно как-то... Зачем это тебе?

– Мой дед написал идиотское завещание... – и я рассказала ему обо всем, что случилось после похорон.

– То есть тебе все равно, за кого выходить замуж? – уточнил он.

Я кивнула.

– Тогда почему ты не хочешь выйти за жениха, предложенного семьей? – продолжил он допрос.

Да какая ему разница?! Нет чтобы сразу ответить, согласен или нет. Думает, мне так приятно обсуждать эту тему?

– По многим причинам, – ответила я внешне спокойно. – Но главная – он мне физически неприятен. До тошноты.

– А я не неприятен? – с явным любопытством спросил он.

– При чем тут это? – удивилась я. – Сейчас речь идет исключительно о фиктивном браке, а с Клаусом это было бы невозможно.

– О фиктивном, говоришь, – задумчиво протянул он. – А напости-ка мне, дорогая, какому монастырю поручено проверять достоверность брака?

– Монастырю Святой Инессы, – недоуменно сказала я, чувствуя какой-то подвох, но не понимая, в чем он. – А что?

– А то. В этот орден не берут без Дара, и им по силам определить, фиктивный брак или нет.

– Ой, – потерянно сказала я, – мне это и в голову не пришло.

– Имей в виду, – добил он. – Если уж ты собираешься спасать деньги семьи таким оригинальным способом, то спать с мужем тебе придется, вне зависимости от того, кто он будет.

Я молчала и вертела в руках опустевшую чашку, не поднимая глаз на собеседника. Богиня, что он обо мне думает? И ведь, главное, так и ничего и на мое предложение. Но надо было на что-то решаться. Я перевела глаза на его руки, расслабленно лежавшие на столе. Тонкие пальцы красивой формы, с овальными ногтями, обрезанными довольно небрежно, не вызывали у меня такого резкого отторжения, как с Клаусом. Во всяком случае, на мысли о пауках не наводили. Возможно, с ним это будет не столь отвратительно?

– Что ж, – неуверенно сказала я. – Возможно, я смогу это выдержать. Пару раз.

– Она сможет это выдержать, – язвительно сказал он. – А обо мне ты совсем забыла?

Действительно, это получают неоговоренные ранее услуги с его стороны. Как это я не подумала?

– Ты хочешь дополнительную плату? – решила я проявить щедрость. – Уверена, мы договоримся.

Рихард издал какой-то странный сдавленный звук, но я так на него и не посмотрела. Мне было очень страшно взглянуть в его глаза. И увидеть... Не знаю даже, что именно я боялась увидеть больше всего – отвращение, презрение, насмешку.

– Ивонна, ты на себя в зеркало смотрела? – наконец сказал

он. – Такое впечатление, что нет. Иначе ты не вела бы себя как престарелая страхида, покупающая любовника.

– При чем тут это? – недоуменно спросила я. – Я допускаю, что тебе это тоже неприятно, и предлагаю компенсацию.

– Мне достаточно суммы, что уже прозвучала, – вздохнул он. – Будем считать это подарком с моей стороны.

Фраза о подарке меня несколько покорила, но капризничать не приходится, тем более, что договоренности мы достигли.

– То есть ты согласен на предложенные мной условия? – обрадовалась я. – Давай составим договор.

– Нет, – неожиданно сказал он. – Договор мы составлять не будем. Либо тебе достаточно моего слова, либо ищи себе другого исполнителя.

– Почему ты не хочешь подписывать договор? – удивилась я.

– Потому что, – отрезал он. – Причину я обсуждать не буду.

Я расстроилась. Надо же, все так хорошо складывалось, а он неожиданно уперся. Но обойтись без договора? Дедушка крепко вбил в мою голову, что все дела необходимо держать в порядке, а это значит, что все документы надо иметь на руках. А потом подумала, да чем я рискую? Половиной наследства? Да оно мне и так не особо нужно. А искать кого-то, опять рассказывать эту историю, вгоняющую меня в краску...

– Хорошо, – сказала я. – Мне достаточно твоего слова.

– Так понимаю, поцелуем скреплять не будем? – В голосе Рихарда прозвучала явная насмешка.

– Пожалуй, нет, – подтвердила я.

– И на когда назначим знаменательное событие?

– После сессии съездим к моим родным, я тебя с ними познакомлю. Там и заключим брак, – решила я.

– Ты уверена, что твоим родителям это понравится?

– Нет, конечно. Они хотят, чтобы я вышла за Клауса, – подтвердила я его предположение. – Но сделать ничего не смогут. Даже пригрозить лишением наследства не выйдет. Им придется смириться.

Мы замолчали. Сейчас его присутствие ужасно тяготило. Хотелось, чтобы он как можно быстрее покинул комнату. Мы ведь все обсудили и выяснили. Что он надеется еще узнать?

– А скажи-ка мне, Ивонна, почему ты не хочешь нормально выйти замуж, а ищешь какие-то странные способы обойти условия завещания?

– Потому что, – ответила я его же словами. – Причину я обсуждать не буду.

То, что Рихард согласился сыграть роль моего мужа, не дает ему ни малейшего права лезть ко мне в душу. Да и какая ему, в сущности, разница? Мы партнеры, и только. Я гордо вскинула голову и наконец посмотрела на своего жениха. Выражение его лица было странным. Насмешки и презрения

там точно не было, а что было, для меня осталось загадкой.

– Хорошо, – сказал он. – Если ты не передумаешь, после сессии я к твоим услугам. Доброй ночи.

И ушел. Доброй ночи? Хорошо бы. Богиня, если бы можно было отмотать время назад и отговорить деда от этих ужасных условий! Я вообще не представляю рядом с собой никого. Никого, кроме Гюнтера. Себе-то я честно могла признаться. Я не забыла бывшего жениха. Я помнила все: каждое его слово, каждое его прикосновение, каждый его поцелуй. И эти воспоминания терзали мою душу, заставляя замыкаться в себе все больше и больше. Я не хотела никого рядом с собой, но год ради своей семьи выдержу. Всего год? Нет, целый год.

Вернулась встревоженная Анита.

– Иви, что случилось? Мы встретили Рихарда. Он такой злой...

С чего бы ему злиться? Если не понравилось мое предложение, он бы просто не согласился. Или настолько нужны деньги?

– Ничего не случилось, – остудила я ее пыл. – Я не знаю, что его разозлило. Может, по дороге встретил кого-то.

– Может, – сказала она, глядя на меня с подозрением. – А о чем вы говорили?

– У меня небольшая проблема, и я просила его помочь. Он согласился, – сухо ответила я.

– У тебя проблемы, и ты молчишь? – обиделась она. – Мо-

жет, я бы помогла? Или Вольф?

Я представила, как бы выглядела Анита после просьбы предоставить ее Вольфа во временное пользование сроком на год, и невольно рассмеялась.

– Нет, Ани, ты никак не поможешь, извини, – ответила я. – Не волнуйся, все равно я уже договорилась с Рихардом.

– О чем ты с ним договорилась? – не унималась соседка.

– Я выхожу за него замуж.

– Не хочешь говорить, так бы сразу и сказала, а не выдумывала всякую ерунду, – окончательно обиделась Анита и демонстративно начала готовиться ко сну.

Пожалуй, я бы на ее месте тоже не поверила. Не проявляли мы с Рихардом теплых чувств к друг другу, таких, что обычно предшествует браку. Но рассказывать еще ей о завещании я не стала – скоро сама поймет, что я не соврала, и перестанет обижаться, а пока не будет приставать.

Глава 3

На следующий день Рихард опять пришел с Вольфом и очень меня удивил, так как принес обручальный браслет, на мой взгляд, намного более дорогой, чем мог себе позволить. Анита восхищенно заахала, бросая выразительные взгляды на друга. Но того взглядами было не пронять.

– Зачем это? – недовольно сказала я.

– Так положено, – с явной насмешкой ответил он. – Тымоя невеста. Или за ночь что-то изменилось?

– Нет, – смутилась я. – Но зачем такой дорогой? Я не могу его принять. И вообще, откуда у тебя такие деньги?

– Копил, копил и накопил. Я был уверен, что когда-нибудь ты ответишь мне взаимностью, – сказал он и добавил тихо, так, чтобы только я слышала. – В чем проблема? Не захочешь оставить – вернешь.

– Как тебе удалось ее уговорить? – удивился Вольф. – То встречаться ни с кем не хотела, а тут сразу – раз – и замуж. Что это у тебя за такие тайные методики? Поделишься?

– Зачем тебе? – подозрительно спросила Анита. – На ком это ты жениться собрался?

– Как на ком? – не растерялся парень. – На тебе, конечно. Только вот спросить стеснялся.

Анита растроганно заморгала. Я насмешливо посмотрела на Вольфа – чем-чем, а скромностью он не страдал, меня

бы его слова ни за что не убедили. Наверняка рассчитывал опробовать на ком-то знания, которыми, как он думает, владеет Рихард. Все они одинаковые – была бы юбка, а кто в ней, совершенно не важно.

– Я согласна, – скромно потупившись, сказала соседка.

– Ты меня осчастливила, – ответил ее теперь уже жених.

Радостным он не выглядел, но хоть нашел правильные слова. Интересно, и как он собирается выпутываться? Вот так сказал, не подумав, а тебя сразу в храм тащат. А перед этим еще пообнимают и обцелуют. Впрочем, Аниту он обнимал с явным удовольствием.

– Иви, а что ты не поцелуешь своего жениха? – Анита решила благодетельствовать всех окружающих, а не только Вольфа.

– Ани, я его потом поцелую, наедине, – ответила я. – Ты же знаешь, я не люблю показывать свои чувства.

– А-а-а, вот он как тебя уговорил, – «сообразил» Вольф. – Поцелуем наедине.

– Но в щечку можно поцеловать без нарушений приличий, – не унималась соседка. – Он твой жених. А когда вы поженитесь?

– Сразу после сессии, – ответил Рихард и посмотрел на меня с хитрой улыбкой. – Но от поцелуя сейчас я бы не отказался.

А я вдруг подумала, ведь все равно через несколько недель придется позволить ему гораздо больше, так, навер-

ное, стоит понемногу привыкать. Я подошла к жениху, зажмурилась и храбро поцеловала. Его щека была сухой, теплой и немного колючей. И пахла чем-то таким, неуловимо летним. Горьковатым от аромата трав степным ветром, что ли? Я открыла глаза и посмотрела на Рихарда. Он улыбнулся и попытался меня обнять, но я резко отстранилась. Не надо этих нежностей. Лишнее это совсем.

Анита цвела как вишня весной и всю строила планы совместной жизни с Вольфом. Как ни странно, тот включился с видимым удовольствием. До обсуждения имени первенца дело, слава Богине, не дошло, но тип ковра в гостиной они уже успели согласовать к тому времени, как я спохватилась:

– Все это очень увлекательно, только нам надо готовиться к экзамену. Да и вам, кстати, тоже.

Соседка обиделась, но возразить ей было нечего, как и нашим гостям, так что вскоре мы остались с ней вдвоем. Правда, она еще долго мешала заниматься, ведя бесконечные разговоры про Вольфа и про свое счастье. Читать что-либо в таких условиях можно, только заткнув уши ватой, но этим я бы обидела Аниту. Пришлось с кислой улыбочкой ей еще несколько раз намекнуть, что всему должно быть отведено свое время. Вот сдадим экзамены – и пусть себе хоть целые сутки декламирует любовную лирику.

– Как можно быть такой бесчувственной? – сказала она расстроено. – Вот я бы на твоём месте сейчас летала бы от счастья.

– Ты можешь это делать на своем, – сухо ответила я. – Если мы экзамены не сдадим, то навык этот сразу пригодится.

– То есть? – вопросительно посмотрела она на меня.

– Вылетишь из академии, – любезно пояснила я.

Анита окончательно обиделась и села, наконец, за учебники и конспекты. А я подумала, что если теперь каждый день будет начинаться с ее брачных мечтаний, мы не успеем подготовиться. Поэтому, когда через несколько минут пришел Вольф с браслетом и вызвал очередную вспышку восторгов, я попросила его до конца сессии появляться как можно реже, если он хочет, чтобы невеста доучилась. Счастливый жених внял моей просьбе, и они с Рихардом приходили только вечерами, да и то ненадолго. Так что хотя бы к первому экзамену мы подготовились.

К экзаменационной аудитории мы пришли, как обычно, заранее. И как же я об этом пожалела! Наши браслеты сразу привлекли самое пристальное внимание, и если Анитин вопросов не вызывал, то мой – напротив.

– Кто он? – трагически вопрошал Рольф. – Как зовут этого счастливчика?

– Не все ли тебе равно? – удивленно спросила я и вдруг поняла, что я не знаю фамилии Рихарда. Нет, он, несомненно, ее называл в самом начале нашего знакомства, но это было так давно и совершенно мне неинтересно, что я благополучно забыла.

– Не все, – обиженно сказал он. – Я хотел к тебе подой-

ти, предложить куда-нибудь сходить, но так и не решился. У тебя вид всегда был такой, словно никто, кроме наследного принца тебе не нужен. Так кто он?

– Рихард Брайнер, – спасла меня Анита. – Друг моего Вольфа. Вот он отказа не побоялся. Ходил и ходил, пока своего не добился.

Богиня, что она говорит? Можно подумать, что все эти годы Рихард только и делал, что сидел у нас в комнате и добивался моего расположения.

– Значит, надо было быть понастойчивей, – поник парень. – Ивонна, что ты в нем нашла? Я же в сто раз лучше.

– Возможно, – согласилась я не без удивления.

Надо же, он, оказывается, в меня влюблен, а я и не подозревала. Встретиться он мне вчера первым... Но нет, нехорошо использовать чужие чувства, на которые я не могу ответить. Так что хорошо, что не встретился.

– Раньше надо было думать, – наставительно сказала Анита.

– Так и теперь еще не поздно, – парировал он. – Ивонна пока не замужем. Да и не выглядит она счастливой.

– Не думаю, что стоит и дальше об этом говорить, – нахмурилась я.

Разговор на этом закончился, что не мешало парню бросать на меня выразительные взгляды и вздыхать. Правда, о своих страданиях он забыл достаточно быстро, едва начался экзамен и времени на всякую ерунду не осталось. Опраши-

вали нас, как обычно, не только по темам, указанным в билете, но и задавали несколько вопросов по всему курсу: иногда сложных, иногда не очень. Мне повезло, все доставшиеся мне вопросы я знала очень хорошо, так что из аудитории вышла с оценкой «отлично».

После экзамена я отправила родителям письмо о состоявшейся помолвке, в котором также попросила сообщить об этом Хайнрихам, чтобы не пришлось Клаусу совершать бессмысленную поездку в Гаэрру. А далее сессия потекла своим чередом, разбавляемая появлениями у нас в комнате Вольфа с Рихардом, рядом с которым мне становилось все тревожнее, хотя после той попытки обнять он не делал новых. Анита даже попеняла нам на взаимную холодность, странную для жениха и невесты. Ей я спокойно ответила, что все мы разные, кому-то нужны внешние проявления, кому-то нет. Пришло письмо из дома, довольно сдержанное, но мне дали понять, что поступок мой не одобряют и хотели бы видеть замужем только за Клаусом. Я горько усмехнулась. Как же хорошо, что в завещании не был обязательным условием брак по выбору родителей.

Сдав последний экзамен, я вышла из аудитории и облегченно выдохнула. Что ж, одно дело сделано, пришло время другого. Не скажу, чтобы я так стремилась замуж, но выбора не было.

Рихард ждал около нашей с Анитой комнаты, расслабленно прислонившись к стене. На меня нахлынуло осознание

неизбежности того, что случится совсем скоро. Богиня, как же я этого не хотела! Да я бы лучше еще одну сессию сдала. Или даже две. Но отступать теперь можно только к Клаусу.

– Не передумала? – с усмешкой спросил жених.

– Нет, – твердо сказала я. – Сейчас переоденусь и поедем. С собой ничего не возьму – вряд ли мы там задержимся.

Лишь я вышла из комнаты, Рихард предложил мне руку, и дальше мы пошли, на мой взгляд, слишком близко друг к другу. Его руку, твердую и горячую, я чувствовала даже через несколько слоев ткани, что не позволяло расслабиться ни на минуту. Мы молчали, в нашем положении говорить о погоде глупо, а другие темы в голову не приходили. Жених тоже не торопился завязывать разговор. Возможно, он уже раскаивается в своем опрометчивом согласии помочь, но не может отказаться от данного слова. Я посмотрела на него, он ответил совершенно невозмутимым взглядом. Пожалуй, по его лицу сложно понять, что же он думает.

– Рихард, ты не жалеешь, что согласился? – решила я все-таки спросить.

– Ты рассматриваешь вариант выйти за Клауса? – уточнил он.

– Нет, – меня даже передернуло от отвращения. – Это исключено.

– Нет, не жалею, – он успокаивающе положил руку на мою ладонь, но тут же ее убрал, не дожидаясь моей реакции. – Но, похоже, это будет сложнее, чем я думал.

– Еще не поздно отказаться, – предупредила я, хотя мы подходили уже к дилижансам. – Если тебе это неприятно, я попрошу кого-то другого.

– С чего это ты решила, что мне неприятно? Я говорил не про это. Отказываться я не собираюсь – настоящий мужчина не сбегает от трудностей, – заявил он мне.

Что ж, его выбор. Возможностью он не воспользовался, и больше я его спрашивать не буду. Места в ближайшем дилижансе на Корнин были, так что вскоре мы уже ехали навстречу очередному испытанию.

Родители нам не обрадовались, несмотря на то, что это приближало семью к получению наследства. Отец пренебрежительно окинул Рихарда взглядом, отметив и потертые штаны, и обтрепанные манжеты на рукавах рубашки, впрочем, совершенно чистой. Похоже, не такой зять ему нужен.

– Я даже не буду спрашивать, кто его родители, – возмущенно сказал он. – Ивонна, неужели ты не понимаешь, что это просто охотник за приданым?

– Попрошу не оскорблять моего будущего мужа, – холодно сказала я.

– Твой будущий муж – Клаус Хайнрих, и это не обсуждается, – заявил отец. – Именно его хотел видеть твой дед на этом месте.

– Откуда такая уверенность в том, что хотел дед? Он что, делился с тобой своими соображениями по завещанию?

– Да, – неохотно ответил он, – но я был уверен, что мне

удалось его отговорить. Поделить наследство на три части, вместо того, чтобы завещать все мне! У нас теперь все активы под внешним управлением! Какое неуважение!

На мой взгляд, это была обычная предусмотрительность человека, который очень хорошо знал своего сына и совсем не надеялся на его деловую хватку. Отец постоянно влезал во всяческие авантюры, оставлявшие его совершенно без денег, а так есть хотя бы надежда, что две трети состояния не пропадут – семья жениха Барбары довольно успешна, да и дело Хайнрихов, младшего из которых прочили мне в мужа, процветает.

– Ничего, потратишь на год позже, – безжалостно прервала я его стенания. – И чем раньше мы с Барбарой выйдем замуж, тем быстрее ты получишь доступ к деньгам.

– Ты должна выйти замуж за Клауса, он тебя любит, – вернулся к прежней теме отец. – Мы с инором Хайнрихом все обговорили.

– А то, что я его не люблю, совсем не учитывается? – я чувствовала себя оскорбленной.

Мою жертву не оценили, более того, требовали принести гораздо большую на алтарь нашей семьи.

– Да у вас, у девушек, все равно ветер в голове. Это ты сейчас думаешь, что его не любишь, – недовольно сказал отец. – А поживете вместе пару месяцев, так счастлива будешь. Уж всяко он лучше этого голодранца.

Честно говоря, я поражалась терпению Рихарда. На его

месте я бы уже давно вспылила и покинула столь негостеприимный дом, а он молчал и только с видимым интересом прислушивался к нашему разговору.

– Я выхожу замуж за этого, как ты говоришь, голодранца, вне зависимости от того, нравится он вам или нет, – твердо сказала я.

– Если ты сделаешь такую глупость, ноги вашей здесь не будет! – пафосно вскричал отец.

– По завещанию мне принадлежит треть дома, – напомнила я. – Так что запретить мне сюда входить вы не сможете. Но я сама больше не вернусь.

С этими словами я схватила жениха за руку и покинула родительский дом, сопровождаемая воплями отца о том, что я должна немедленно опомниться, вернуться и выйти за Клауса. И все это по кругу в произвольном порядке.

– Не понравился я твоему отцу, – заметил Рихард.

– Ты же понимаешь, что ему никто, кроме Клауса, и не понравится, – ответила я.

Беседа с отцом далась тяжело, я до сих пор ее переживала и пыталась понять, можно ли было повернуть так, чтобы родители приняли мое решение, а разговор не закончился разрывом.

– В чем-то он прав. Я действительно голодранец и, в некотором роде, охотник за твоим приданым. Тебя это не смущает?

– Это основа нашего договора. Ты играешь роль моего му-

жа, я тебе за это плачу, — недоуменно сказала я. — Что, по-твоему, меня должно здесь смущать?

— Сам факт! — неожиданно он ответил достаточно зло.

— Если тебя это так волнует, Клаус смущает меня намного больше, чем расставание со всей суммой наследства.

— Предлагаю тебе изменить наш договор следующим образом. Я в течение года играю роль твоего мужа и даю развод по первому требованию, а с твоей стороны не принимаю никаких денежных выплат. И жениться согласен только на таких условиях.

— Но, Рихард, — запротестовала я, — это будет нечестно с моей стороны. В таком варианте я получаю намного больше, чем ты.

— Поверь, дорогая, я и в этом варианте получу намного больше, чем ожидал, — сказал он с какой-то странной полуулыбкой.

— И все равно мне кажется, что это неправильно, — проворчала я. — Мы же договаривались.

— Я не буду брать у тебя деньги. И это не обсуждается, — отрезал он. — Итак, твое решение?

— Можно подумать, у меня есть выбор.

— Выбор есть всегда, — ответил он. — Между мной и Клаусом, к примеру. Или ты можешь проигнорировать это требование завещания — ты же говоришь, что деньги тебе неважны.

— Но они важны моей семье.

– Причем намного больше, чем ты, – заметил он.

На это мне ответить было нечего: поведение отца, да и не только его, указывало, что получение денег намного важнее моей судьбы. И все же поступить так, как предложил Рихард я не могла: это была моя семья, и я любила их такими, какие они есть.

– Пойдем в Храм, – сказала я.

Я больше не желала говорить на эту тему. И все же родители уверены, что заботятся о моем счастье. Но только какое счастье может быть с этим рыжим волосатым Хайнрихом?

Рихард взял меня под руку, и мы пошли. В тот самый Храм, где три года назад собирались заключить брак Гюнтер и я.

Глава 4

Оказалось, что разговор с отцом – это еще не самое страшное, что ожидало меня сегодня. По дороге к храму мы встретили Гюнтера с Эви. Обычно я всегда замечала их издалека и сворачивала в ближайший переулок. Но тут эта парочка вывернула из дверей лавки буквально перед нами, и бежать было некуда.

– Иви, какая встреча, – радостно зашебетала Эвамария, прижалась к мужу и сладко мне улыбнулась. Тут ее взгляд упал на мой браслет. – О, тебя можно поздравить? Наконец-то! Я так рада! Твой жених – такой симпатичный инор.

Правда, взгляд, которым она окатила «симпатичного инора», совсем не соответствовал словам. Этакая смесь пренебрежения с удовлетворением. Еще бы! За прошедшее время Гюнтер не стал хуже. Высоченный, белокурый, красивый, он напоминал героев древних легенд, и от одного взгляда на него у меня заболело где-то глубоко внутри. Он тоже заметил мой браслет, и взгляд его стал каким-то оценивающим. Но что там оценивать? Рихард рядом с ним казался слабым подростком.

– Извини, дорогая, мы торопимся. Всего хорошего, – сухо сказала я, после чего мы с Рихардом обошли парочку и пошли дальше.

Вслед нам раздался довольный смешок бывшей подруги,

но я сделала вид, что меня это не волнует. Они оба не имеют никакого значения, сказала я себе. Это прошлое, под которым надо провести черту и забыть. Только так.

– И кто это был? – спросил Рихард, видя, что я ничего объяснять не собираюсь.

– Никто, – отрезала я.

– Так это из-за никого ты исполосовала мне всю руку? Понятно.

На его рукаве под моими пальцами расплывались пятна крови. Видимо, пытаясь сдержать эмоции, я по привычке сжимала руку, не обращая внимания на препятствия. До сих пор доставалось только моим ладоням.

– Извини, – покаянно сказала я. – Давай перевяжу, что ли?

– Да не стоит. Кровь я уже остановил. Хотя... дырки на рубашке можешь зашить.

– Почему ты сразу не сказал?

– Не хотел отвлекать от занимательной беседы с никем, – любезно ответил он.

– Это мой бывший жених и моя бывшая подруга, – пояснила я.

Перед Рихардом я чувствовала себя очень неловко. Надо же, молча терпеть такое и сказать, только когда мы отошли уже далеко.

– И как же они стали бывшими?

– Родители Эвамариин застали его в спальне дочери. Он вынужден был жениться, – коротко пояснила я.

Я бы и этого не сказала, но чувство вины не позволяло резко прервать разговор.

– Он как-то пытался объяснить свой поступок? – не унимался жених.

– Да. Он утверждал, что просто хотел почитать письма, которые я писала Эви. Но я не поверила.

Раздражение я уже не пыталась скрыть. Я рассказала достаточно. К чему эти дополнительные вопросы?

– Почему? Такое тоже может быть.

– Видишь ли, – сухо сказала я, – для чтения писем совершенно не обязательно раздеваться и залезать в чужую постель. А его обнаружили именно в таком виде. Рихард, мне неприятна эта тема, я не хотела бы больше про это говорить.

Слава Богине, он замолчал и не задавал ни одного вопроса, пока мы не дошли до Храма. Главный корнинский Храм очень красив, один из самых прекрасных в Гарме, но сегодня красота его казалась мрачной и недружелюбной. Ведь именно в нем я собиралась связать свою жизнь с Гюнтером, а теперь пришла сюда совершенно с другим инором, к которому ничего подобного не испытываю. Мне показалась кощунственной сама мысль о том, что фиктивный брак с Рихардом будет заключен здесь, поэтому я немного постояла на пороге, так и не решилась сделать последний шаг, и наконец сказала:

– Рихард, ты не будешь возражать, если мы поженимся в Гаэрре?

– Для меня это не имеет никакого значения, – ответил он.

И мы поехали назад. Поездка оказалась бессмысленной и, более того, неприятной. Не стоило рассчитывать, что родители будут рады моему браку с кем-то, кроме Клауса Хайнриха. Мама к нам и не вышла. Впрочем, она всегда подчинялась отцу, даже если его требования оказывались совершенно нелепыми. Дед ворчал, что если бы она хотя бы иногда давала отпор мужу, то ему бы это пошло на пользу, а в семье сохранилось бы много денег. Но для матери авторитет отца был слишком высок, и пойти наперекор она бы никогда не решилась. Немного удивило отсутствие Барбары, но ее, скорее всего, и дома не было, иначе она не упустила бы возможности полюбопытствовать, чем так возмущается отец. Наверное, сестра готовится к собственной свадьбе. Это эти приготовления доставляют только радость.

В Гаэрру мы приехали довольно поздно, я даже подумала, что посещение Храма придется отложить на завтра, но Рихард повел меня какими-то кривыми улочками, и мы оказались у маленького святилища, которое еще не закрылось. Отблески заходящего солнца проходили через витражи и смешивались с неярким светом свечей, создавая мягкую, успокаивающую атмосферу. Внутри оказалось тихо и очень уютно. Невысокий плотный священник собирался домой, но, узнав, зачем мы пришли, заулыбался, зажег те несколько свечей, которые уже успел погасить, и торжественно провел церемонию.

– Вы будете счастливы вместе, дети мои, – сказал он, про-

щаяся с нами. – Я чувствую, что Богиня смотрит на вас и улыбается. Я вижу, что вы пошли против желания своих семей, но вы вместе, и это очень правильно.

Не хотелось обижать этого человека, поэтому я постаралась улыбнуться, хотя на глаза навернулись слезы. О каком счастье он говорит, если все так плохо? Наш брак – вынужденная мера, ни я, ни мой муж друг друга не любим, а через год весь этот фарс закончится, и Богиня опять над нами посмеется. Но Рихард поблагодарил его, вручил какую-то сумму на нужды Храма, и мы вышли на вечернюю улицу. Муж и жена. Забавно, право. Но недостаточно для достижения моей цели.

– Сегодня квартиру уже не снять, – сказала я. – Но Ани-та собиралась уехать к родителям, так что комната в нашем распоряжении.

– Хочешь прямо сейчас сделать брак действительным? – усмехнулся Рихард.

– Да, – подтвердила я. – К чему тянуть? От этого ничего не изменится.

Анита действительно уехала. В комнате было темно и тихо. Рихард обнял меня и хотел поцеловать, но я отстранилась и сказала:

– Это лишнее. Мне этого не надо. Думаю, тебе тоже.

– Как хочешь, – легко согласился он.

От его легкости мне стало ужасно обидно. Конечно, ему намного проще. Да мужчинам вообще все равно, с кем быть!

Что Гюнтеру, что Рихарду. Спасибо, конечно, что согласился помочь и даже пытается проявить какую-то нежность, только это все ненастоящее, фальшивое, как и наш брак.

Ко сну я готовилась как обычно. Строгая ночная рубашка под горло. Волосы, аккуратно заплетенные в две косы. Привычный ритуал немного успокоил, но не до конца – девушка, что смотрела на меня из зеркала, выглядела испуганной. Но ничего не поделаешь, если уж решила, придется идти до конца. Войдя в комнату, я обнаружила, что Рихард сидит верхом на стуле, положив руки на его спинку, и задумчиво изучает потолок. Я расстелила постель, легла, закрыла глаза и сообщила мужу:

– Я готова.

В комнате было все так же тихо. Я вцепилась двумя руками в одеяло и старалась не думать, что сейчас, вот-вот, это все и случится. Что придется перетерпеть прикосновения, и не просто прикосновения, совершенно чужого человека, и все ради своей семьи, а они этого совсем не оценят. К горлу подкатил комок слез, и я чуть не всхлипнула от жалости к себе, но удержалась, только парочка слезинок выкатились и побежали по щекам.

– Может, мне тебя к кровати привязать? – внезапно раздавшийся голос нарушил тишину. – А самому надеть белый балахон, взять нож в зубы и устроить ритуальные танцы с зазываниями?

– Зачем? – от удивления я даже глаза открыла.

– Чтобы ты совсем себя жертвой почувствовала, – пояснил он. – Этакой несчастной овечкой, предназначенной на заклание.

– А ты думаешь, я должна быть счастлива? – с негодованием спросила я. – Единственное, чего я хочу, чтобы все побыстрее закончилось. А ты тянешь время.

– Видишь ли, дорогая, я в своей жизни ни разу не насиловал женщин, – медленно, растягивая слова, сказал он. – И не собираюсь этого делать.

– Ты обещал помочь! – возмутилась я, как только поняла, что именно означают его слова.

– Я и не отказываюсь от обещания. Но твое поведение и вид как-то не стимулируют к инициативе с моей стороны. Ты бы еще дырку на сорочке прорезала в определенном месте, чтобы было понятно, где именно к тебе можно и нужно прикасаться.

– Чем тебе так мой вид не нравится? Уверена, что Клауса он бы не испугал, – недовольно сказала я.

– Действительно? Наверное, я не такой храбрый, как он. Но, знаешь, еще не поздно за него выйти. Завтра идем в Храм, ты объясняешь священнику, почему хочешь расторгнуть брак, нас разводят, и ты едешь в Корнин, к родительской радости.

Его предложение меня не вдохновило. Я села на кровати и попыталась воззвать к его совести:

– Рихард, мы же договаривались. Нехорошо с твоей сто-

роны нарушать обещание.

– Чем я его нарушил? Тем что отказался тебя насилловать? Иви, я полностью в твоём распоряжении, можешь насилловать меня сама. В конце концов, тебе это больше надо.

С этими словами он снял рубашку и нагло устроился на моей кровати. Поднял руки над головой, потянулся и сказал:

– Я готов. Видишь, я даже руки убрал, чтобы к тебе случайно не прикоснуться. Все остальное на тебе. Действуй.

Я растерялась. Это как он себе представляет? Это же совершенно не правильно. Где это видано, чтобы такими вещами занимались девушки?

– Рихард, в первую брачную ночь все должен делать мужчина, – попыталась я его урезонить.

– Так у нас разве брачная ночь? – удивленно приподняв бровь, ответил он. – У нас договор. Свою часть я выполняю. Что тебе не нравится?

– Мне все не нравится! – яростно сказала я и вскочила с кровати. – Это издевательство какое-то! Ты вообще понимаешь, что говоришь?

– Понимаю. Но насилловать все равно не буду, – невозмутимо ответил он.

Чтобы успокоиться, я начала ходить по комнате и считать шаги. Это немного отрезвило, я решила подойти по-другому и присела на краешек кровати.

– Рихард, пожалуйста, – жалобно сказала я, просяще сложив руки перед грудью. – Что тебе стоит, а? Это же так про-

сто.

– Видишь ли, Ивонна, я не могу так, как это подразумевается тобой. Но я могу предложить тебе два варианта, подходящие мне. На выбор.

– Каких? – я насторожилась, так как сразу заподозрила, что оба варианта мне не понравятся.

– Или ты все делаешь сама. Или заинтересуешь меня, и тогда все делаю я.

– Как я могу тебя заинтересовать? – не поняла я. – От денег ты отказался.

– Соблазни, – нахально ответил он и хитро улыбнулся.

Я дар речи потеряла от возмущения. Это что он себе думает? Я ему что, шлюха продажная, таким заниматься? Еще чего не хватало, соблазнять мужчин! Да лучше я за Клауса пойду, с ним таких проблем не будет! Его соблазнять не надо, он и так на все согласен, лишь бы меня заполучить. Но при мысли о Клаусе стало так нехорошо, что я все же начала склоняться ко второму варианту, предложенному мужем. Все равно первый мне недоступен. В самом деле, он мой муж, значит, ничего постыдного в его соблазнении нет, уговаривала я себя. Уговоры шли туго. Усталость, злость, обида тугим комком смешались в моей душе. Какое право он имеет так поступать со мной? Как только его язык повернулся назвать это помощью? Хорошо, я его соблазню! Я его так соблазню, что он на коленях передо мной будет ползать, умоляя о взаимности! Только как это делается? Наверное,

надо сначала самой заинтересоваться? Я задумалась, стала рассматривать лежащего передо мной Рихарда и с удивлением обнаружила, что он, в общем-то, очень привлекателен. Довольно правильные тонкие черты лица, темные глаза и немного смуглая кожа указывали на то, что мать его, скорее всего, из Лории – все же для Гарма характерна более тяжеловесная внешность. Более мужественная. Как у Гюнтера. Усилием воли прогнав мысли о бывшем женихе, я продолжила рассматривать мужа. Темные, почти черные волосы очень коротко подстрижены. На мочке правого уха – небольшой шрам. Я перевела взгляд ниже. Гладкая кожа обтягивала весьма приличные мышцы. Никогда бы не подумала, что его рубашка такое скрывает. А не иллюзия ли это? Я поднесла руку к его торсу и подозрительно потрогала пальцем, желая убедиться, что мне это не кажется.

– Ты еще палочкой потыкай, ага, – ехидно посоветовал Рихард. – Знаешь, как это мужчин возбуждает? Я правильно понял, что ты выбрала второй вариант?

Я невольно покраснела. Совсем не об этом я думала, а он вон как воспринял. Но, может, это и к лучшему?

– Рихард, я не умею это делать, – честно сказала я. – Я даже не знаю, с чего начать. Я никогда никого не соблазняла и даже не думала об этом. Понимаешь?

– У тебя целый месяц впереди, чтобы разобраться, – невозмутимо ответил он. – Почитать книжки, поговорить со знающими людьми.

– А ты что посоветуешь? – спросила я с надеждой на быстрое решение.

Уж ему-то должно быть понятно, чем он соблазнится. Довериться специалисту – вот залог успеха.

– Даже не знаю, – Рихард явно удивился моему вопросу. – Для начала я бы тебе посоветовал не заплетать дурацкие косички, выбросить ужасную ночную рубашку, навевающую мысли о доме престарелых, и не шарахаться от каждого моего прикосновения.

– А если я сейчас распушу волосы и сниму сорочку? – Осенила меня идея.

Я даже руку к завязке у горловины протянула. Хотелось покончить с этим делом побыстрее, а не растягивать сомнительное удовольствие.

– То ничего не будет, – остудил он мой пыл. – Обнаженная мраморная статуя возбуждает ничуть не больше, чем статуя в одежде. Докажи, что ты женщина, а не кусок камня. Перестань чувствовать себя жертвой обстоятельств, пойми, что это твой выбор и ничей больше.

– И что же мне делать сейчас? – растеряно спросила я.

– Спать, – ответил он. – Идей, как я понимаю, у тебя никаких нет. А день выдался тяжелый.

Муж подвинулся, освобождая место, откинул одеяло и выжидательно посмотрел. Я недолго думала, подавила вспыхнувшую злость и прилегла с краю. В самом деле, если уж все равно сегодня ничего не будет, так хоть выплусь.

Сессия закончилась, впереди небольшие каникулы, так что завтра не надо вставать рано. А что касается соблазнения, так неужели ни у кого таких проблем не возникало? Наверняка ведь можно какие-то пособия найти. Вот завтра покопаюсь в книжных развалах, что-нибудь да найду. И тогда он у меня порадуется полноте жизни. А пока... Я нерешительно протянула руку и положила ее на грудь Рихарда.

– Двигаешься в правильном направлении, – усмехнулся он и приобнял меня.

Я оказалась близко к нему, недопустимо близко. Чувство протеста всколыхнулось было, но быстро заглохло – ночи сейчас прохладные, я даже подмерзла немного, пока бегала по комнате, а от него веяло теплом. А еще уверенностью и спокойствием. Именно тем, чего мне сейчас больше всего не хватало. Я уже засыпала, когда на краю сознания промелькнула мысль «Может, не надо на коленях? Достаточно будет, если он просто пожалеет о том, что сделал сегодня.»

Глава 5

Наше первое совместное утро началось со скандала. Пришла комендант общежития и устроила разнос. Богиня, сколько нового и интересного узнала я о себе за это утро! А инора продолжала говорить и говорить. Наконец она выдохлась, и мне удалось сказать хоть что-то в свое оправдание.

– Инора Хофмайстер, это мой муж, – пояснила я и показала брачную татуировку.

– А хоть бы и муж! – начала она опять возмущаться. – Это не повод, чтобы не давать спать всему этажу своими кошачьими воплями!

– Какими воплями? – не поняла я. – У нас совершенно тихо было.

– Да, мы ставили полог молчания, – поддержал меня Рихард.

– Плохо ставили, – заявила она. – Ко мне прямо с утра ваши соседи пришли с жалобой. И вообще, правилами проживания в нашем общежитии запрещено лицам мужского пола находиться здесь в ночное время. Так что чтобы я такое в этой комнате наблюдала в последний раз.

Тут я заметила Маргарету Фидлер, однокурсницу, которая выглядела довольной донельзя, как кошка, досыта наевшаяся куриного филе. Очень было похоже, что именно она и донесла. Но зачем? Мы с ней никогда не враждовали.

– Инора Хофмайстер, приносим свои глубочайшие извинения и вам, и тем, кому мы доставили неудобство, – церемонно сказал Рихард. – Подобного больше не повторится. Мы сегодня же займемся поисками квартиры.

Комендант поворчала немного, но уже больше для приличия, и ушла. А я повернулась к мужу и сказала:

– Рихард, зачем ты соврал про полוג?

– Я его действительно ставил, – усмехнулся он. – Я подумал, что ты орать начнешь не хуже вашей комендантши, когда поймешь, что все пошло не так, как ты хотела.

Я хмуро посмотрела на него. Выглядел он выпавшимся и весьма собой довольным. Гадский тип! Как он мог так со мной поступить? И вообще, разве это нормально для мужчин выдвигать такие требования? Идея с соблазнением уже не казалась такой привлекательной, как вчера ночью. Вот если бы на его месте был кто-то похожий на Гюнтера...

– Рихард, – ласково протянула я, – ты вообще понимаешь, что поступил вчера, как последний негодяй?

– Разве? – издевательски улыбнулся он. – Вот так, как ты хотела, мог сделать действительно только негодяй.

Я недовольно посопела. При свете дня просить его исправлять свою ошибку было как-то неудобно. Возможно, вечером Рихарда все же удастся уговорить исполнить супружеские обязанности безо всяких условий?

– Итак, наши планы на сегодня – найти квартиру? – уточнил Рихард, без стеснения демонстрируя мне свой голый

торс. А чего это он, собственно не одевается?

Тут мой взгляд упал на его рубашку, на рукаве которой бурели пятна. Я же вчера обещала ее зашить. Я взяла с полки флакончик с зельем, убирающим кровь с ткани, не повреждая ни структуру, ни краску, и обработала поверхность. Мои ногти оставили только две небольшие дырочки, которые я быстро зашила. Увы, рубашка от этого не стала лучше, ее не помешало бы заменить на новую. Все это время муж промолчал, с интересом наблюдая за тем, что я делаю. Я протянула ему рубашку.

– Спасибо, дорогая, – сказал он и улыбнулся, ехидненько так. – Поцелуй ты точно заслужила. Если захочешь, конечно.

И тут я задумалась, приблизит ли меня поцелуй хоть немного к цели. Если уж я его соблазнять собираюсь, то ведь наверняка и целовать придется. С другой стороны, если с поцелуем пройдет как надо, то, может, он и дальше зайдет? Все равно ведь кровать пока не заправлена...

– Захочу, – ответила я и улыбнулась, надеюсь, что призывно.

По лицу Рихарда промелькнула тень удивления, но он быстро взял себя в руки, подошел и звонко чмокнул в щеку. Руки при этом держал за спиной.

– И это все? – возмущенно сказала я. Ведь я настроилась перетерпеть это унижительное действие до самого конца. – Так только дети целуются.

– Мы договорились, что соблазняешь ты, – невозмутимо

ответил он. – Хочешь по-другому – целуй сама.

Пожалуй, к такому я пока не готова. Я посмотрела на Рихарда. За сегодняшнее утро он только и делал, что меня злил. Злость копилась, ее надо было куда-нибудь выплеснуть, но не на того же, кого собираешься соблазнить.

– Дорогой, – надеюсь, улыбка у меня не слишком кривая и выглядит счастливой, – ты подождешь меня несколько минут?

И направилась я напрямик к Фидлер, благо комната у нее по соседству. Я даже в дверь стучать не стала, а то вдруг запрется, а ругаться через дверь не так увлекательно.

– А скажи-ка мне, Грета, – начала я с порога, – с чего это тебе вдруг пришло в голову ставить нашу инору Хофмайстер в известность о том, что у меня кто-то ночует? Раньше за тобой такого не водилось.

– А чтобы все узнали, что ты из себя представляешь, – Фидлер смутилась, но отвечала довольно уверенно, как будто чувствовала за собой правоту. – И он тоже.

– Он – это кто? – недоуменно спросила я.

– Кто-кто, Рольф, конечно, – возмущенно сказала она. – А то ты не знаешь, что он по тебе столько лет страдает?

– Он сказал недавно, и я действительно не догадывалась, – смутилась я. – Но Рольф уже знает, что я выхожу замуж. Точнее, вышла. Вчера.

– Так это твой муж? Извини, – теперь уже она вела себя совсем по-другому, да и говорила со слезами раскаяния в го-

лосе. – Рольф мне так давно нравится, я к нему уже как только не пыталась подойти, даже, стыдно сказать, одно время подумывала любовное зелье подлить, а он только на тебя и смотрел. Вот я и разозлилась вчера, когда решила, что недоτροгу ты из себя только строишь, а на самом деле не столь праведна. Извини.

Любовное зелье? Да это как раз то, что мне надо! Под его воздействием Рихард точно сделает все сам, без меня. Я чуть не расцеловала от избытка чувств Маргарету. Как это я раньше не видела, что она такая замечательная девушка? С такими выдающимися идеями. Правда, это не совсем хорошо и совсем противозаконно, и рецепта у меня нет...

– Грета, не переживай так, – участливо сказала я. – Ничего страшного, ошиблась, с кем не бывает. Вот ты про зелье говорила. У тебя рецепт, наверное, есть?

– Был бы, я бы точно не удержалась. – Сокурсница уже всю страдала, всхлипывала и размазывала слезы по щекам. – Я так гадко поступила. Прости меня, Ивонна.

– Да простила я уже, – разочарованно сказала я. – Ничего страшного не случилось. Ну покричала инора Хофмайстер, так она уже успокоилась, а мы сегодня жилье снимем и здесь больше не появимся.

В совершенно расстроенных чувствах я вернулась в свою комнату. Рихард уже оделся, стоял рядом с полностью застеленной кроватью и листал одну из моих книг.

– У тебя, что, только одни учебники и справочники? –

разочарованно спросил он. – Ни одного романа.

– Романы у нас Анита читает, – я кивнула головой на половину соседки. – У нее там и романы есть, и тетрадки с любимыми стихотворениями.

«И тетрадки с заклинаниями, не входящими в курс», – промелькнуло у меня в голове.

Анита девушка запасливая, даже если уверена, что не пригодится, все равно запишет. И я точно помню, что курсе на втором она говорила о чем-то таком, относящемся к запрещенным разделам магии. Я заинтересовано посмотрела на соседскую полку. Но искать рецепт приворотного зелья при том, на ком его собираешься испробовать, как-то не совсем прилично, так что пришлось взять себя в руки и перевести взгляд на мужа.

Позавтракали мы в столовой академии, благо во время каникул она продолжала работать, и отправились на поиски подходящего жилья. Там меня ожидало полнейшее разочарование. Ни о каком отдельном домике с комнаткой для лаборатории и речи идти не могло. Денег едва хватало на то, чтобы снять совсем крошечную квартирку без мебели. По-видимому, оставляя распоряжение о выплатах, дед не рассчитывал на такую графу в семейном бюджете, как наем жилья. Мы осматривали квартиру за квартирой, и я становилась все мрачнее и мрачнее.

– А чем тебе эта не понравилась? – спросил меня Рихард, когда мы спускались по лестнице, после осмотра очередного

отвергнутого мной варианта. — Она, правда, высокогато, но зато какой прекрасный вид из окна на парк. Да и просят не так уж много.

— Не так уж много! У меня денег не хватает, вот чем, — раздраженно бросила я. — А ведь сюда еще мебель нужна.

— Это у тебя не хватает, — спокойно ответил он. — А у НАС вполне может и хватить. Мне тоже придется здесь жить, значит, будет справедливо, если половину платы буду вносить я.

— Но это неправильно, — запротестовала я. — Это же мне надо, а не тебе.

— Правильно было бы, если бы все оплачивал я, — неожиданно жестко сказал он. — Но я прекрасно понимаю, что ты на это не согласишься.

— Откуда ты собираешься брать деньги на оплату? — пренебрежительно фыркнула я.

— Я подрабатываю как целитель, — ответил он. — Немного, пару часов, да и то не каждый день, но на оплату жилья хватит, да и отложить кое-что удалось — вон, тебе браслет купил.

— Лучше бы ты себе новую рубашку купил, чем этот браслет, — проворчала я.

— Есть траты важные и не очень, — заметил он. — Прожить без новой рубашки я могу. А снимать квартиру и покупать мебель в следующем году мне бы все равно пришлось — меня уже пригласили на работу в Центральную лечебницу.

— Правда? — поразила я.

Получить приглашение на работу в такое привилегиро-

ванное заведение, да еще студенту, – из моих знакомых таким никто не мог похвастаться.

– Правда, – усмехнулся он. – Мы там на практике были после третьего курса, и я им понравился. С тех пор там подрабатываю. Так что можешь за мои капиталы не волноваться. Так как, снимаем эту или тебе какая другая больше понравилась?

– Эту, – согласилась я, и мы отправились назад.

Цену удалось немного сбить – желающих жить под самой крышей мало, и хозяйка неохотно, но пошла нам навстречу. Но, Богиня, сколько же нам еще пришлось покупать – ведь мы оба до сего дня обеспечивались всем необходимым в общегитии, а в новой квартире не было даже посуды. Мебель нам удалось купить довольно дешево – шкаф, комод и кровать бывшая их хозяйка намеревалась продать только одновременно. Но тут уж я решила хоть немного сэкономить деньги мужа и торговалась с ней из-за каждой медной монетки, указывая и на царапины, и на заедающий ящик, и на скрипучую дверку. В итоге заплатили мы почти в два раза меньше, чем она запрашивала.

– Однако, какие в тебе таланты открылись, – похвалил меня муж, когда мы все это доставили в снятую квартиру, причем с грузчиками договаривалась тоже я. – Полезные для семейной жизни.

– Меня же этому учили, – удивилась я. – И потом, если тебе приходится на полгода раньше квартиру снимать, зна-

чит, я просто обязана сохранить тебе хоть часть денег.

– С другой стороны, – задумчиво сказал он, – ведь я следующие полгода буду платить в два раза меньше, чем рассчитывал, так что, выходит, ничего ты мне и не должна. Можешь не тратить в следующий раз столько сил.

– Дедушка говорил, что тот, кто разбрасывается деньгами, никогда не сможет быть хорошим хозяином, – упрямо сказала я. – Если можно не платить лишнего, зачем это делать?

– Хочешь сказать, что тебя готовили быть хозяйкой вашего дела? – удивленно сказал Рихард.

– Да. Отец совсем к делам неспособен, вот дед и рассчитывал, что семейное дело перейдет ко мне и моему мужу, а Гюнтер ему никогда не нравился. Так что да, готовили. Я и на алхимию поначалу именно поэтому налегала.

– И почему он передумал?

– Я перестала появляться на производстве. Там управляющий – отец Гюнтера, и мне с ним очень неприятно встречаться. Дед говорил, что надо держать себя в руках, иначе из меня никогда ничего хорошего не выйдет. Я старалась, я очень старалась, но мне всегда было так плохо потом, что... Зачем я тебе это рассказываю?

– Мне интересно, продолжай.

Но я не стала больше об этом говорить. Зачем? Все равно ведь через год расстанемся, и чем меньше он будет обо мне знать, тем лучше. Я же не спрашиваю про его семью.

Покупка всего остального заняла намного меньше време-

ни и сил. Правда, один комплект постельного белья пришлось купить сразу, на второй я взяла ткань – сошью сама, так дешевле. Ткань мы приобрели и на шторы. Конечно, можно обойтись и без них, но окно выглядело таким сиротливым, что я, немного поколебавшись, решилась все же на эту трату.

И вот, осталось только собрать вещи в общежитии и окончательно переехать. Мы договорились, что Рихард отнесет свои, а потом поможет мне. Я попросила его не торопиться – ведь мне не столько надо собраться, сколько просмотреть Анитины тетрадки. Богиня, сколько же у нее оказалось совершенно не нужных и бессмысленных рецептов! Одно заклинание для перекрашивания одуванчиков в зеленый цвет чего стоит! Искомое нашлось только в третьей тетрадке, к этому времени я уже даже отчаялась – решила, что ошиблась, и у Аниты такого нет. Рецепт меня порадовал – все составляющие есть, оставалось только правильно сварить и прочитать заклинание. И посмотрим тогда, кто кого соблазнять будет! Довольно улыбаясь, я переписала весь текст на листочек и положила его в карман. Настроение поднялось просто неимоверно. Я бы прямо сейчас этим занялась, если бы не опасения, что меня поймают на месте преступления. Но ничего, до вечера у меня еще время есть. Мурлыкая себе под нос песенку про двух котят и бабочку, я начала вытаскивать вещи из шкафа и решать, что сейчас с собой забрать, а что не понадобится в ближайшее время. Неожиданно в глу-

бине обнаружился небольшой легкий пакет. В полном недоумении я его вскрыла, и меня обдало жаркой волной воспоминаний. Там находилась ночная сорочка и пеньюар, полностью соответствующие мнению Рихарда о том, как должна выглядеть одежда для соблазнения, — тонкая, воздушная, полупрозрачная эльфийская ткань, глубокое декольте, разрезы по бокам. Только вот покупалось это для Гюнтера. Уже назначена была дата свадьбы, когда я стояла в магазине, выбирая себе одежду для нашей первой ночи и мечтая о том, как я ему покажусь в этом. А вскоре пришло известие о том, что он женился на Эвамари, и пакет так и остался валяться в шкафу нераспечатанным, я даже про него забыла за столько лет. Я уже хотела запаковать назад да бросить здесь, как вдруг подумала, что рецепт может быть ненастоящим, да и настоящее зелье совершенно не обязательно подействует на Рихарда, и тогда мне точно понадобится что-то другое. Я начала просматривать свою одежду уже с этой точки зрения и обнаружила замечательное летнее платье, отвергнутое мной в свое время из-за слишком глубокого выреза. Оно тоже пошло в стопку того, что забираю сейчас. Флакон эльфийских духов — надо же, совсем не выдохлись за эти годы. А вот помада в баночке подсохла, правда, только верхний слой. Так, что там у меня еще сохранилось? Я вытащила заброшенный ящик с косметикой и с удобством устроилась перед зеркалом. Пожалуй, Рихарду придется меня подождать, но оно того стоит.

Глава 6

Рихард отметил изменения, но ничего не сказал, лишь ехидно хмыкнул. Мне даже обидно стало: я рассчитывала по меньшей мере на восхищенный взгляд и пару комплиментов. И этот человек обвинял меня в том, что я похожа на камень! Ничего, посмотрим вечером, как он запоет после любовного зелья. Так что я не стала показывать разочарования, а радостно улыбнулась и вручила стопки увесистых томиков. Он ничуть не расстроился, достал из кармана несколько артефактов, уменьшающих вес, и прикрепил к книгам. Запасливый какой. А я уже предвкушала, как он будет пыхтеть и потеть под тяжестью учебников.

– Больше ничего не берешь? – он кивнул на мою небольшую сумку, где лежали в основном вещи для работы.

– И так много получилось, одежду я потом заберу, – пояснила я. – Самое необходимое я взяла. Сегодня все равно сюда не вернемся: там убрать надо, а это не на один час.

– Я помогу, – сказал он, правда, без особого энтузиазма.

– Я не люблю убирать, когда кто-то смотрит. – Недовольство его предложением я и не пыталась скрыть, ведь первым пунктом у меня шло отнюдь не наведение порядка. – Так что, если уж тебе совсем нечем заняться, можешь сходить купить что-нибудь из продуктов.

– С удовольствием, – повеселел он. – Список напиши, что

надо.

На этом мы и порешили. Но когда я вместе со списком, а он получился весьма внушительным, попыталась вручить ему еще и деньги, меня ожидал очередной удар – братъ он отказался наотрез.

– Рихард, это неправильно. У нас договор, и хотя ты его нарушаешь, ты не обязан меня кормить. Давай поделим траты.

– Чем это я его нарушаю? – не согласился Рихард. – Я сразу сказал, что полностью к твоим услугам. Если хочешь, прямо сейчас. Вот только кровать застелим. А с едой... Так я ем больше, готовить, как я понимаю, будешь ты, значит, справедливо, если продукты покупать буду я на свои деньги.

Я даже не сразу нашлась, что ему ответить, но потом меня осенило:

– Давай по очереди и готовить, и покупать. Тогда точно все будет справедливо.

– Я бы с удовольствием, – ответил он с ехидной улыбкой, – но у меня с плитой сложные отношения, меня к ней допускать нельзя, все равно ничего съедобного не выходит. Максимум, на что я способен, – это порезать что-нибудь. Так что извини, дорогая.

И быстро ушел, пока я не успела еще что-нибудь придумать. Я повозмущалась немного, но так как высказать это все равно было некому, кроме голубей за окном, остыла и приступила к изготовлению зелья, благо ничего, кроме малень-

кой колбочки, из посуды не надо. Тщательно все отмерила, вскипятила, добавила в порядке очередности нужные вещества, постоянно сверяясь с рецептом и убеждаясь по изменяющемуся цвету жидкости, что все идет, как надо. Прочитала заклинание, аккуратно перелила получившееся совершенно прозрачное зелье в маленькую скляночку, спрятала за корсаж и приступила к уборке.

Нельзя сказать, что помещение было запущено, но все равно пара бытовых заклинаний пригодилась. Так что я прошла по квартирке, пользуясь где магией, а где и обычной тряпкой, довольно быстро и, когда Рихард вернулся, уже разложила вещи в шкаф. Свои и мужа. И даже успела застелить постель и заняться шторами.

Кроме посуды и продуктов по списку, Рихард купил бутылку вина, поставил на стол со словами: «Отметим наше новоселье». Я только порадовалась, мужчины под воздействием таких напитков становятся намного податливее. Только хватит ли одной бутылки? Но не предлагать же ему сбегать еще за парочкой? С другой стороны, даже небольшое количество вина вместе с зельем и моей новой ночной сорочкой непременно даст нужный результат. Так что ужин я готовила в приподнятом настроении.

– Рихард, – решила я уточнить перед тем, как накрывать на стол. – А ты не передумал насчет... своего... супружеского долга?

– Считаешь, он уже успел накопиться? – усмехнулся он. –

Я не возражаю против того, чтобы ты взыскала его сама, даже с процентами.

Он еще издевается! Теперь меня даже совесть из-за нарушения закона не мучает – все равно наши зелья, в отличие от орочных, дают кратковременный эффект. Подумаешь, несколько месяцев походит влюбленным, ничего страшного. Я же не пытаюсь получить от этого какую-то выгоду, а только то, что принадлежит мне как законной супруге! Мысли эти показались мне несколько неприличными, но в своей правоте я была убеждена, поэтому у меня даже рука не дрогнула, когда я подливала содержимое скляночки в его кружку.

– Какая жалость, что нет бокалов, – деланно вздохнула я. – Вино в бокале выглядит намного привлекательней. Ну что, за новоселье?

Рихард поднял свою кружку, подержал ее в руках, даже ко рту поднес, а потом сказал:

– Давай сначала поужинаем?

– Давай, – согласилась я.

Я старалась не показать разочарования. Вот что ему стоило выпить прямо сейчас, и я бы не мучилась, будет результат или нет?

Ели мы в полном молчании. Рихард бросал на меня довольно-таки странные взгляды, но ничего не говорил. А я вдруг подумала, что одновременно все три фактора – зелье, вино, и открытая ночная сорочка – окажутся более эффективны, и приободрилась. Поэтому, когда муж опять взялся

за кружку, я выпила вместе с ним, удовлетворенно посмотрела, как плоды моей работы падают в его желудок, и быстро побежала переодеваться, пока он не пришел в себя. Через несколько минут я уже выходила, полностью готовая – даже завязывать пеньюар не стала. На лице Рихарда впервые появилась заинтересованность, и это меня так воодушевило, что я под села к нему почти вплотную и выжидательно посмотрела. Неужели и теперь проигнорирует? Мои надежды оправдались – Рихард протянул руку и провел по моему бедру, немного собирая ткань. Неужели все получилось? Мое лицо озарила ликующая улыбка, и я придвинулась поближе. Чтобы ему удобнее было. Я уже предвкушала перемещение на кровать, как вдруг он отнял руку и сказал:

– Какая потрясающая ткань и на вид, и на ощупь. Это эльфийская?

– Ткань? – непонимающе уставилась я на него. – При чем тут ткань? А я?

– Ты меня соблазняешь? – хмыкнул он. – Надо признать, что рубашка твоя мне понравилась, но этого мало.

– Как это мало? – возмутилась я.

Где результат от зелья? Или оно не сразу начинает действовать? В рецепте об этом ни слова. Может, Рихарда спровоцировать надо? Я неуверенно посмотрела на него.

– Совсем мало, – демонстративно вздохнул он и откинулся на спинку стула, подальше от меня.

Интересно, если его поцеловать, то он перейдет к актив-

ным действиям? И я начала размышлять на эту тему, кусая губы. Целовать не хотелось, но других вариантов попросту не было. Богиня, да что вообще можно сделать с мужчиной, чтобы ему срочно захотелось исполнить супружеский долг? Я подняла глаза на Рихарда и обнаружила, что он с интересом наблюдает за моими страданиями. Это меня разозлило невероятно. Надо же, и зелье его не пробило! Может, ему и женщины не нравятся? Зачем тогда согласился помочь? Вот сейчас и узнаем. Я резко придвинула свой стул к нему и положила руки на плечи мужа. Потянувшись к его лицу, я нагнулась на удивленный взгляд, но это меня не остановило, я просто закрыла глаза и прикоснулась своими губами к его. Гром не грянул, и стулья под нами не развалились. Но Рихард не торопился идти навстречу в вопросе упрочнения нашего союза. Поэтому я, внутренне попереживав, начала целовать его по-настоящему. И он ответил! Меня переполнила эйфория. На мой взгляд, осталось совсем немного до того мига, когда под влиянием зелья муж наконец потеряет контроль и сделает то, что я от него жду. В порыве нежности я провела рукой по его шее, в ответ его рука зарылась в волосы на моем затылке и стала ласково их перебирать. Неожиданно для себя я увлеклась самым поцелуем, и как-то все остальные вопросы ушли на второй план. И когда он прервался, я обнаружила, что дышу совсем не так, как полагается воспитанной девушке, да и с координацией явно творилось что-то ненормальное.

– А в вино я налил нейтрализатор, – неожиданно сказал муж, и легкая хрипотца в его голосе звучала музыкой для моих ушей, пока я не поняла, что именно он сказал. – Жалко, конечно, было портить такой благородный напиток, но пить всякие странные примеси я не согласен.

– Почему странные? – смутилась я. – Обычное любовное зелье.

– Тебя не волнует, что это противозаконно?

– А что мне делать? Ты от меня отказываешься, – пошла я в наступление. – Вот я и решила, что это тебя вынудит выполнить... мою просьбу.

– По-твоему, влюбленный непременно превращается в животное, которым руководят исключительно инстинкты?

Я смущенно пожала плечами. Да, нехорошо как-то получилось. Еще дедушка говорил: «Закон нарушать иногда можно, нельзя – попадаться».

– Других идей не было.

– Разве? А что тогда было сейчас?

– Я подумала, что раз уж ты все равно под действием зелья, то тебя надо просто подтолкнуть, – честно ответила я.

– Подталкивание оказалось очень интересным, – усмехнулся он. – Мне понравилось. Можно рассматривать как самостоятельное действие.

– Может, тогда продолжим? – оживилась я.

– А вот идея с зельем – увы, – добавил он, делая вид, что не понимает моего намека.

Я расстроено молчала. Получается, не подлей я этого проклятого зелья, так что-нибудь сегодня и вышло. Или если бы не заметил и выпил. И как только узнал? Оно же совершенно без вкуса и запаха.

— Как ты догадался, что я добавила что-то в вино?

— Думаешь проделать в следующий раз более аккуратно? — съехидничал он.

Я обиделась, демонстративно отвернулась и пошла спать. Обняла подушку и задумалась, что же делать дальше. Случайно или нет, но Рихард сегодня обнаружил в своей кружке любовное зелье, и, боюсь, что смысла подливать еще раз нет. Поцелуй он определенно одобрил. И не сказать, чтобы это было так уж неприятно мне. Пожалуй, я не возражала бы против повторения. Но всю решимость, накопленную за сегодняшний день, я уже истратила, опять целовать мужа казалось невозможным. Вот если бы он сам... Я слышала, как он ходит по комнате, но даже не смотрела в его сторону, все равно ведь делать то, что мне надо, он не собирается. В голове было пусто, как в небе в жаркий безоблачный день. Глаза сами собой закрылись, и я провалилась в сон.

Мне никогда ничего подобного не снилось. Мне снился Рихард, и вел он себя, мягко говоря, неприлично: наверное, именно так, как я от него ждала наяву. Но самое странное, что я и сама вела себя таким же образом, и мне это казалось совершенно правильным и естественным. Я стремилась ему навстречу, я ловила губами его губы, моя кожа горела огнем

под его твердыми ладонями, которые были единственным, что меня удерживало на какой-то тонкой грани, не позволяя полностью раствориться в чувственных ощущениях. И вдруг все это резко прекратилось.

Я подскочила на кровати, судорожно хватая ртом воздух. Внутренности скручивало в болезненном спазме, по вискам катились мелкие капельки пота.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Рихард.

– Случилось? – я непонимающе посмотрела на него и решила, что сегодня вечером с зельями развлекалась не только я. – Что ты мне подлил в вино?

– Я? – Удивление его не казалось наигранным. – С чего ты взяла?

– Мне такое снилось... Неприличное, – обвиняюще сказала я. – И мне это нравилось.

– Наверное, ты продумывала дальнейшие планы с учетом провала сегодняшнего, с зельем, вот твои мысли и наложились на сон, – предположил он с явной насмешкой в голосе.

– Если бы я продумывала планы, – недовольно сказала я, – то действие главным образом шло бы от меня. А в моем сне действие шло от тебя.

– То есть я что-то делал в твоем сне, и тебе это нравилось? – уточнил он. Заинтересовано так.

Я кивнула.

– Тогда почему ты проснулась с таким видом, будто тебя убивали?

Я открыла рот, чтобы сказать: «Потому что не доделал», но тут же поняла, что говорить это не стоит, поэтому просто уточнила:

– Ты точно ничего не подливал?

– Зачем мне это? – вопросом на вопрос ответил он. – Вот ты мне подлила любовное зелье, стремясь добиться определенной цели. А чего, по-твоему, добивался бы я?

– Мне даже непонятно, зачем ты женился, – немного подумав, сказала я. – От денег ты отказался. Как женщина я тебя тоже не привлекаю.

– Помочь просто по-дружески?

– Мы разве друзья?

– Разве нет? Так что же такого интересного тебе снилось, расскажешь?

– Может, мы и друзья, но не до такой степени, – отрезала я.

Да я даже Аните не рассказала бы, а мы с ней куда ближе, чем с этим типом, который всего лишь временный партнер.

– А если я пообещаю повторить наяву? – вкрадчиво спросил он.

Я задумалась ненадолго, но потом решительно замотала головой. У меня не было никакой уверенности, что наяву это будет так же увлекательно. А кроме того, ведь в моем сне до самого главного он так и не дошел...

Глава 7

Утром я проснулась раньше Рихарда и некоторое время просто лежала и размышляла о том, что случилось ночью. Слова о непричастности меня не убедили. Я подозрительно посмотрела на спящего мужа. Его лицо выглядело спокойным и не омраченным даже малейшим чувством вины. Впрочем, на человека, обдумывающего злодейские планы, он также не походил. Он безмятежно спал, еле слышно посапывая. И мне вдруг подумалось, а если подловить его утром, когда он еще не совсем проснулся, и поцеловать, не поможет ли это продвинуться хоть ненамного? Я нерешительно посмотрела на губы Рихарда, довольно тонкие, но хорошо очерченные, они настолько живо напомнили мне вчерашний поцелуй, что я покраснела. Но от идеи своей не отказалась. Сглотнув, я привстала и потянулась к мужу, долго не решалась приступить к делу – то почти прикасалась к его губам, то отшатывалась назад, как вдруг заметила, что уголки его рта подрагивают в попытке сдержать смех. Переведя взгляд выше, я обнаружила, что он не спит и с интересом наблюдает за устроенным мной представлением.

– Весело тебе, да? – Я обиженно отвернулась, встала и набросила на себя пеньюар.

– Доброе утро, жена, – сказал он.

И прозвучало это как-то так непривычно, но в то же время

нежно, что вся обида куда-то пропала.

– Доброе утро, – ответила я еще несколько насторожено, помолчала и добавила: – Муж.

– Тебе опять что-то интересное приснилось? – спросил он. – Вдохновляющее на подвиги с утра пораньше?

– Рихард, может, ты все же сам вдохновишься, – умоляюще сказала я. – Без моей помощи. Видишь же, что у меня ничего не получается.

– Разве? – состроил он удивленную физиономию. – Да я еле сдерживаюсь, чтобы не дать волю животным инстинктам.

– Лучше бы ты не сдерживался, – мрачно сказала я и отправилась переодеваться.

От вечернего приподнятого настроения ничего не осталось. К моему огромному огорчению, идея с зельем провалилась. Поцелуй можно было бы считать успехом, если бы он не был ответом на мой. И заходить этот гад дальше, чем я зайду в отношениях с ним, явно не собирался. Злость нашла свой выход во взбивании яиц с молоком, и на завтрак я сделала омлет с овощами и ветчиной.

– Ммм, божественно, – сказал Рихард, попробовав немного. – Если бы я уже не был на тебе женат, женился бы прямо сейчас.

– Теперь мне понятно, почему ты женился, – ехидно сказала я. – Чтобы тебя кормили.

Рихард усмехнулся, налил чай в две кружки и одну из них протянул мне. Я вспомнила свой сон, подозрительно посмот-

рела в кружку и твердо сказала:

– Это я пить не буду.

– Ты что, серьезно решила, что я вчера что-то подлил? – расхохотался он и снял со своей руки неприметное серебряное кольцо. – Держи, это артефакт, позволяющий обнаружить в еде и питье вредные примеси. Я так твоё зелье и вычислил.

Я примерила, и даже покрутила на пальце. Кольцо грозило свалиться в самый неподходящий момент, да и не прилегало оно так, как положено артефакту для нормальной работы.

– Оно великовато, – заметила я. – Так что пользы от него никакой.

– Ладно, – кивнул он в такт каким-то своим мыслям. – До вечера меня не будет, так что подливать тебе что-то будет некому, а вечером я другое принесу.

Я согласилась. Не то чтобы я ему совсем не доверяла, но с таким кольцом будет спокойней. Такая замечательная полезная вещь. А вот когда он ушел, я задумалась, зачем он постоянно носит подобный артефакт? Да еще, как выяснилось, и нейтрализатор. Весьма странный набор для студента, пусть даже и целителя. Или он был уверен, что я ему что-то подолью? Я пыталась вспомнить, носил ли он это кольцо с самого начала нашего знакомства, но даже недавнее прошлое воссоздавалось так смутно, что ничего у меня не вышло. Похоже, что за последние три года я мало на что обращала внимание, погрузившись в собственные переживания.

Я была так несчастна.

Однако сейчас времени на переживания нет. Рихарда до вечера не будет – и замечательно, за это время должен быть готов новый план, для разработки которого моей фантазии не хватает. А значит, что? Значит, надо задействовать чужую. И я направилась в лавку, торгующую книгами. Заходила я туда частенько, и инора Блау, хозяйка, всегда хорошо мне относилась. Иногда мы даже разговаривали с ней совсем не о книгах. Инора успела дважды овдоветь, а сейчас была замужем в третий раз. Первый и второй мужья были военными и погибли в стычках с орками, третьему, также до женитьбы предпочитавшему мундир гражданской одежды, она сказала: «Или я, или военная карьера», и он подал в отставку. Сейчас инор Блау занимался мелкой коммерцией и выглядел вполне счастливым. Кому как не иноре Блау разбираться в столь деликатном вопросе?

– Добрый день, дорогая, – приветствовала она меня широкой улыбкой. – По твоей любимой теме ничего нового.

– Добрый день, инора Блау, – смущенно начала я. – Я сегодня не за этим. Мне необходима литература совсем по другой теме. Немного необычной... Как бы выразиться поточнее?

– Книгами запрещенных заклинаний не торгую, – неожиданно сухо сказала она.

Но именно эта ее сухость и помогла мне точно сформулировать мысль.

– Как вы могли такое подумать? Мне необходимо что-нибудь по теме... что делать с мужем.

– В каком смысле? – удивилась хозяйка.

Да, она с такими проблемами явно не сталкивалась.

– В смысле супружеских обязанностей, – выдавила из себя я.

– Ой, Ивонна, ты замуж вышла? – заметила она мою татуировку. – Поздравляю. Не ожидала, честно говоря.

– Почему?

Я почувствовала себя даже несколько оскорбленной. Неужели я хуже других?

– Потому что ты своим неприступным видом распугивала всех молодых иноров, – усмехнулась она. – Но я рада, что нашелся тот, кому удалось затронуть твое сердце.

Я только криво улыбнулась. Никогда не понимала этого глупого желания говорить столь цветастыми фразами, а уж в отношении нашего брака использовать такой оборот...

– Спасибо, но давайте вернемся к моей просьбе, – я твердо намеревалась получить хоть какую-нибудь необходимую информацию. – У вас есть что-нибудь?

– Конечно, – расплылась она в улыбке и лукаво мне подмигнула. – Но ты же понимаешь, что в свободном доступе это не лежит? – с этими словами она достала из-под прилавка увесистый томик и протянула мне. – Посмотри. Это тебя устроит?

Я открыла книгу где-то ближе к началу и в недоумении

установилась на странные рисунки. Но когда я прочитала, что под ними написано, то покраснела и быстро захлопнула.

— Нет, — я даже замотала головой от избытка чувств. — Мне надо что-нибудь до этого.

— До этого? — инора Блау не скрывала, что ей непонятно, чего я хочу.

— Как вынудить мужа исполнить свои супружеские обязанности, — пояснила я и наткнулась на совершенно ошарашенный взгляд:

— Он что, не хочет? — поразились инора, немного подумала и добавила: — Знаешь, мужчины этим не могут все время заниматься. Им и отдых нужен.

— Я его и на один раз уговорить не могу, — в сердцах бросила я. — Требуется, чтобы я его соблазнила, иначе никак. Гад.

— Оу, — выдала инора Блау. — Какие у вас странные отношения.

В этом я с ней полностью согласна. И отношения странные. И Рихард странный. И ситуация странная. Видя такое понимание со стороны хозяйки лавки, я неожиданно рассказала все начиная с оглашения завещания моего деда. Когда я дошла до описания предполагаемой первой брачной ночи, инора Блау неожиданно тоненько хихикнула и сказала:

— Бедный мальчик, — и, когда я в недоумении на нее посмотрела, добавила: — Но ты продолжай, не обращай на меня внимания.

— Да, собственно, говорить-то уже нечего, — ответила я. —

Рихард сказал, что активность с его стороны будет, только если я его соблазню. Ну и кто он после этого? Ведь знает же, насколько мне это необходимо!

– Ивонна, а тебя совсем мужчины не привлекают? – неожиданно сказала инора Блау.

– Совсем, – отрезала я.

– У тебя, кажется, жених был? И что, вы с ним даже не целовались?

– Это другое, – ответила я. – Я его любила. Мне к нему просто прикасаться и то было приятно.

– А к мужу неприятно?

– Зачем вам это? – удивилась я.

– Ответь, пожалуйста, тогда, возможно, я тебе смогу помочь.

Я задумалась. Было ли мне неприятно к нему прикасаться? Пожалуй, нет. Более того, вчерашний поцелуй даже понравился. Это я и сказала иноре Блау, несколько смущаясь деликатностью темы.

– Что ж, начнем с азов, – довольно сказала она. – Улыбка делает женщину намного привлекательней в глазах мужчины. Улыбайся больше, покажи, что ты с ним счастлива.

– Но это не так, – запротестовала я.

– Поверь, женщина себя убедит в чем угодно, – махнула на меня рукой хозяйка лавки. – Ты же убедила себя хранить верность бывшему жениху.

– Я не убеждала. Просто я до сих пор его люблю.

– И чем он так хорош, что ты его забыть не можешь?

– Он высокий, красивый, – начала я перечислять и запнулась.

Неужели я больше ничего хорошего о Гюнтере не могу сказать? Неужели вся его ценность для меня измеряется исключительно внешним видом? Я пораженно посмотрела на инору Блау.

– Думаю, что ты его не любишь, раз других достоинств и не припомнишь, – неожиданно заявила хозяйка лавки. – Скорее, детская влюбленность наложилась на ущемленное самолюбие. Вот и мучаешь себя, страдаешь из-за того, что он предпочел другую. А теперь еще и мужа своего собралась из-за этого мучить.

– С чего это он будет мучиться? – возмутилась я. – Я ему все честно рассказала. И мы через год разведемся. У нас договор, а он его нарушает совершенно безобразным образом.

– Ты ему так и говоришь: «У нас договор»? – насмешливо сказала инора Блау. – Забудь это слово. Нет никакого договора. У вас есть семья. И твоя задача сделать мужа счастливым.

– Зачем? – опешила я.

– Затем, что иначе ты не решишь своей проблемы, – ответила она. – Все пойдет как надо, если будешь воспринимать своего Рихарда как мужа, а не как участника какого-то дикого договора.

– Лучше бы он тогда не согласился, – мрачно сказала я.

– Поверь, дорогая, для тебя это было бы намного хуже, а так у тебя хотя бы есть шанс.

– У меня? Шанс? На что?

Но инора Блау только усмехнулась вместо ответа и продолжила просветительскую лекцию, как именно надо обращаться с мужем. И если про улыбки и взгляды было слушать интересно, а местами довольно смешно, то когда она перешла к прикосновениям, я начала краснеть и бормотать:

– Но это же совершенно неприлично.

– Запомни, дорогая, – ответила она мне на это, – в том, что происходит между мужем и женой, нет ничего неприличного. Все, что доставляет удовольствие обоим – хорошо и правильно. Не зря же про это такие толстые книжки пишут, – она покачала перед моим носом тем томиком, что не так давно поверг меня в шок. – Но тебе это пока и не надо. А вот обнять и поцеловать мужа лишний раз не помешает.

– Для меня это очень трудно, – пояснила я. – Я сегодня утром так и не решилась.

– Придется постараться, – ответила инора Блау. – Можешь для начала потренироваться на подушках. Только представляй, что это Рихард. Не вздумай представлять этого своего бывшего жениха. И все у вас будет хорошо.

Я представила, как целую подушку, и мне это не понравилось. Подушка не вызывала никакого энтузиазма. Лучше уж я буду тренироваться сразу на Рихарде. Пусть тоже страдает. В конце концов, это его идея.

– Да, и платья у тебя слишком скромные, – заметила инора Блау. – Заведи себе для дома что-нибудь более привлекающее внимание – ткань поярче, вырез пониже.

Она еще много чего говорила, и моя голова к концу беседы переполнилась всяческими сведениями, которые, по моему мнению иноры, мне следовало усвоить еще пару лет назад. И не просто усвоить, а активно использовать. Иначе какая я женщина? Но советы, наконец, закончились. Это был тот редкий случай, когда я уходила из книжной лавки без покупки. Более того, инора Блау вручила мне еще небольшой коврик и цветок в горшке со словами: «А в доме надо уют создавать». Я поблагодарила и обещала через неделю перед ней отчитаться.

По дороге я зашла на почту и отправила письмо родителям о том, что уже заключила брак и Барбара может не волноваться. И сообщила свой новый адрес – вдруг они захотят со мной связаться. Зная папу, я сильно сомневалась, что это случится скоро, но сменит же он когда-нибудь гнев на милость. Дочь я ему или не дочь?

Глава 8

От иноры Блау я возвращалась, размышляя о тех сторонах жизни, о которых старалась не думать последние три года. Похалуй, хозяйке лавки я была благодарна. Пусть впервые у нее не нашлось нужной книги, но советы пришлись кстати. И подарки тоже. Коврик сразу сделал комнату намного уютней, а горшок с цветком встал на подоконник, словно там и рос до этого дня.

«Улыбайся, покажи, что ты с ним счастлива», вспомнилось мне. Счастлива, а как же! Да от Рихарда одни сплошные проблемы. Требование это дурацкое, после которого улыбаться ему совсем не хочется. И не умею я это по заказу. Я подошла к зеркалу и растянула губы в подобии улыбки. Получилось не очень хорошо, даже сурово сдвинутые брови не разошлись. Я взглянула еще раз на свое хмурое лицо и поняла, что срочно надо что-то делать. Строгое платье под горло немаркого мышиного цвета совершенно этому не способствовало. Инора Блау права – одежду надо менять, в такой только в монастырь идти. Да и прическу тоже – стянутые на затылке в пучок волосы делали картину еще неприглядней. А ведь была, была у меня целая шкатулка со всяческими ленточками и заколочками, но я все отдала Барбаре, когда мне не для кого стало себя украшать. Возможно, надо что-то еще? Я порылась в шкатулке с косметикой и решила, что но-

вого туда можно пока ничего не покупать, а вот хотя бы одно красивое платье и пара заколок просто жизненно необходимы. То летнее, взятое из общежития, можно носить дома, а вот если Рихард меня куда-нибудь пригласит, то эта серость, от которой лицо приобретало землистый оттенок, совсем не пойдет. А если повязать какой-нибудь яркий шарфик? Но яркого шарфика тоже не нашлось, так что пришлось отправиться за покупками.

В первой лавке, где я попросила показать недорогое красивое платье, продавщица обрадованно вытащила откуда-то наряд, явно переживший несколько затоплений, на что указывали характерные пятна.

– Вы издеваетесь? – возмутилась я.

– Почему? – удивилась она. – Дешевая вещь и полностью в вашем стиле.

– Она настолько гадкая, что ее даже моль не смогла доест, – я обвиняюще ткнула пальцем в мелкие дырочки на лифе.

– Действительно, как это я не заметила? – деланно удивилась продавщица. – Но остальная-то ткань совсем крепкая и без единого повреждения, – она даже растянула на руках юбку, показывая это. – Здесь, на дырочках, можно вышить цветочки. Будет еще наряднее. И скидку хорошую сделаем.

– Спасибо, но я не собираюсь это покупать. Платье не кажется мне нарядным, да и носить одежду, которую уже кто-то пожевал и выплюнул, я не хочу.

Я развернулась и вышла из лавки, зло хлопнув дверью. Это выцветшее убожество – в моем стиле? Не наглость ли со стороны этой инориты такое заявлять? Она меня за дуру приняла?

Кипя от обиды, я влетела в следующую лавку.

– Мне надо нарядное платье, полностью отличающееся от того, что на мне, – сразу сказала я и добавила: – Только не очень дорогое.

– Разве что с прошлого сезона, – задумчиво сказала продавщица, внимательно меня оглядывая. – Если возьмете два, сделаю хорошую скидку.

– Вы пока еще ничего не предложили, – заметила я.

Предложение меня заинтересовало. Прошлогодние платья по сравнению с тем, что я ношу, вполне себе новинка.

Она усмехнулась и пригласила меня вглубь лавки. Да, с прошлого сезона здесь мало что осталось, но выбор все же был. Эта продавщица не пыталась впихнуть залежавшийся со времен моего рождения товар, она сразу указывала на все недостатки – пятно на подоле, отпорванный волан или кривовато зашитая вытачка. Но такие мелочи я могла исправить сама. Я примеряла платья, глядела на себя в зеркало и получала огромное удовольствие, давно забытое, но от этого оно становилось лишь ярче. Как это я целых три года прожила без этого? Платьев я купила не два, а три, что порадовало хозяйку лавки, но не настолько, чтобы снизить цену еще больше.

Денег оставалось катастрофически мало, я очень сильно залезла в сумму, отложенную на черный день. Однако, как дорого обходятся мужья в наше время! Никогда бы не подумала. Но от покупки пару вещей для украшения прически решила не отказываться – не самая большая трата, а образ должен быть законченным. Я уже практически уходила, когда мой взгляд зацепился за мужскую одежду. После того как я ногтями истерзала руку Рихарда при встрече с Гюнтером, меня не отпускало чувство вины. Штопка прорех – искупление недостаточное, и я решила купить муж рубашку.

Домой я пришла с кучей пакетов, больших и маленьких. Сменила гадкое серое платье на то, что решила считать домашним, и приступила к прическе. Долой строгое стягивание. Как там говорила инора Блау? «Даже прическа должна быть игривой». Побольше пышности, локонов. Заколка с бабочкой. Да, повертела я головой, так хорошо. И мрачность куда-то ушла. Я погладила намечающуюся морщинку между бровями и решила, что хмуриться надо меньше. Еще чуть-чуть косметики – и вот уже из зеркала на меня смотрит совершенно другая девушка. И новая, или скорее забытая, я себе настолько понравилась, что, подхватив подушку, принялась кружиться по комнате. Обниматься с подушкой оказалось тоже очень весело. Я попыталась представить на ее месте Рихарда и расхохоталась. Все же на подушку мой муж совершенно не походил, так как был значительно тверже. Только подумать, чего я себя лишала ради человека, о котором и

вспомнила только, что он красивый! Не умный, не добрый, не щедрый, а красивый. Да, для мужчины, несомненно, это очень важное достоинство! Наиважнейшее. Я опять беспричинно рассмеялась.

Ужин я готовила в приподнятом настроении. Не терпелось проверить советы иноры Блау на практике. И любимые справочники не тянуло перечитывать – я даже пожалела, что не взяла в книжном какой-нибудь роман, он бы так подошел к моему нынешнему состоянию, а потом его можно подарить Аните или даже вернуть иноре Блау, получив при этом половину затраченной суммы. Энергия во мне бурлила и требовала немедленного выхода, так что, когда пришел Рихард, я буквально подлетела к нему и пропела:

– Привет! Я так по тебе соскучилась, – и удивленно подумала, что это правда. Ведь без него к соблазнению никак не приступить.

– В самом деле? – усмехнулся он. – Прекрасно выглядишь.

– Да.

Я прокрутилась, чтобы он оценил со всех сторон, и требовательно вытянула губы для поцелуя. Рихард проникся, но удостоил только поощрительного чмоканья в щеку, что меня несколько огорчило. И тут я вспомнила:

– Я купила тебе рубашку.

– Спасибо, конечно, – он выглядел скорее озадаченным, чем довольным, – но зачем? Не надо было на меня тратить.

– Я испортила твою старую. Так что это в порядке ком-

пенсации, — пояснила я, стрельнув при этом глазами в точности по рекомендации. Правда, выстрел, судя по всему, пока в цель не попал, но даже это меня не расстроило. И тут же мне пришла в голову замечательная идея. — Только не думай, что ты получишь просто так. Я хочу за нее поцелуй. Настоящий. А не дружеский.

— Надо же, — расхохотался он. — Как дорого ценятся мои поцелуи, а я и не знал. Договорились. Но ты начинаешь.

Я нерешительно положила руки ему на плечи. Куда-то ушла переполнявшая легкость, и Рихард опять показался чужим и далеким. «Наверное, действительно нужно было на подушках попробовать», — пронеслась паническая мысль. В теории-то оно все легко и просто. Я заставила себя успокоиться и потянулась к губам мужа. В этот раз он не стал ждать, пока я проявлю себя хоть как-то, а сразу взял инициативу на себя. Целовались мы долго, мои руки как-то незаметно переползли с его плеч на шею, а его — сомкнулись за моей спиной. И когда это все прекратилось, я испытала ужасное разочарование, хотелось продолжать целоваться и дальше, но он уже меня отпустил, так что я просто потерлась щекой о его плечо и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.